

Стенограмма парламентских слушаний на тему «Механизмы обеспечения общеевропейского сотрудничества: возможности парламентской дипломатии»

25 июня 2015 года

К.И. КОСАЧЁВ

Уважаемые коллеги, добрый день! Я приветствую всех участников наших сегодняшних слушаний на тему "Механизмы обеспечения общеевропейского сотрудничества: возможности парламентской дипломатии".

В самом начале слова извинений перед теми, кто сейчас с трудом проходил через нашу систему пропуска в здание Совета Федерации. Может быть, какие-то коллеги еще даже этого и не сделали. Произошел чисто технический сбой. Он произошел по вине нашей службы охраны здания, а не по вине организаторов слушаний. Я надеюсь, что он не причинил больших неудобств.

Мы начинаем нашу работу. Тема слушаний, определенная Комитетом по международным делам, совершенно неслучайна. Она связана, разумеется, и с формальными обстоятельствами, а под формальными обстоятельствами я имею в виду приближение 40-летней даты проведения известного хельсинкского Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, которое завершилось принятием 1 августа 1975 года Хельсинкского заключительного акта СБСЕ. И всегда такие круглые даты – это возможность вернуться к событиям того времени, осмыслить пройденный путь и, разумеется, определить ориентиры на будущее. Но есть и значительно менее формальные, и, совершенно точно, просто неформальные причины того, что мы именно эту тему сегодня берем в качестве предмета обсуждения. И связано это с теми событиями, которые происходят в современной Европе, которые происходят вокруг нашей страны и которые связаны с глобальными темами безопасности и сотрудничества.

Мы убеждены в том, что в продвижении вперед соответствующих вопросов есть совершенно очевидные потенциал и возможности у парламентской дипломатии, и эти возможности можно будет обсуждать на предстоящей в ближайшие дни очередной сессии Парламентской ассамблеи ОБСЕ, куда выезжает, как всегда, представительная делегация Федерального Собрания Российской Федерации во главе с Сергеем Евгеньевичем Нарышкиным, Председателем Государственной Думы, и в ее состав входят очень компетентные представители и Совета Федерации, и Государственной Думы.

Возвращаясь к событиям 40-летней давности, к событиям 1975 года, нет сомнения, что хельсинкское совещание открыло до того непроторенный путь диалога между основными европейскими державами. Мы знаем, что в этом процессе всегда участвовали и Соединенные Штаты Америки с Канадой, но тем не менее это всегда был процесс общеевропейский. К концу 80-х – началу 90-х годов, за первые 15 лет существования этого процесса, появились определенные результаты. И кто-то склонен считать одним из главных результатов тогдашнего общеевропейского процесса создание дополнительных проблем для существования Советского Союза через вынесение вопросов внутреннего развития СССР, вопросов прав человека в международную повестку дня. Мне представляется, что этот тезис спорный. И в любом случае значительно более очевидным результатом этих первых 15 лет общеевропейского процесса было достижение консенсуса европейских и примкнувших к ним держав вокруг будущей конструкции европейской безопасности, того консенсуса, который нашел отражение в сейчас уже почти забытой Парижской хартии для новой Европы, которая была подписана в ноябре 1990 года всеми европейскими державами, Советским Союзом (тогда это был еще Советский Союз), среди прочих, разумеется, теми же самыми Соединенными Штатами Америки и Канадой.

Я не поленился перед нашими слушаниями обновить в своей памяти этот документ. Он у меня в руках. Это объемный документ (50 страниц совершенно конкретного текста), который прописывает согласие существовавших на тот момент государств с тем, какими путями пойдет мир, какими путями пойдет европейский континент и как будет обеспечиваться коллективная безопасность в масштабах этого континента.

Коллеги, я всем рекомендую перечитать этот документ, потому что это весьма любопытно. И самый интересный вывод, который я сделал для себя, заключается в том, что тогда, по состоянию на ноябрь 1990 года, когда достигался консенсус в отношении будущего европейской безопасности, НАТО как организация в принципе отсутствовала в этом консенсусе. На 50 страницах Парижской хартии для новой Европы НАТО не упомянута ни разу. Еще раз повторю: ни разу.

Европейский союз, который тоже заявляет сейчас все более активно свою претензию на то, чтобы быть одним из краеугольных камней европейской мировой безопасности, в этом документе упомянут только один раз, и то в разделе "Экономическое сотрудничество", как региональная организация, которая способствует торговле и, еще раз повторю, экономическому сотрудничеству между странами континента, не более того.

В этом консенсусе, который сложился в Париже в 1990 году и под которым подписывалась в том числе и наша страна, центром будущей коллективной безопасности в Европе определены СБСЕ (тогда еще не преобразованное в Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе), Совет Европы, как еще одна европейская структура, и, безусловно, стоящая над ними Организация Объединенных Наций, которая в этом документе упоминается наибольшее количество раз.

Вот то видение систем и договоренностей в сфере международной безопасности, под которыми подписывалась тогда наша страна и которые она собиралась реализовывать и выполнять в своих последующих действиях, да, собственно говоря, и реализовывала безукоризненно на протяжении последовавших затем 10 или 15 лет, когда нам представлялось, что и наши партнеры по этим договоренностям тоже будут их выполнять, но наши партнеры действовали совершенно иным путем.

В 1992 году, всего лишь спустя полтора года после подписания этой хартии, а еще одним элементом этой хартии, разумеется, была констатация того, что период холодной войны и межблокового противостояния окончательно уходит в прошлое и что в этой холодной войне победителей нет, что все в равной степени выигрывают от того, что она завершена, так вот, уже в 1992 году в обращении к американской нации президент Буш заявил (цитирую): "Милостью Божьей Америка выиграла холодную войну". И добавил, что теперь есть лишь одна, превосходящая всех сила – Соединенные Штаты Америки. Это середина 1992 года.

С тех пор был пройден определенный путь. И в последней версии стратегии национальной безопасности США, которая утверждена решением уже нынешнего президента Обамы в феврале 2015 года... Я цитирую этот документ, он начинается со слов, что "...на всех направлениях деятельности США должны лидировать с позиции силы", что США "будут защищать свои национальные интересы и обеспечивать прочное и устойчивое лидерство в мире". Декларируется приветствие появлению новых "центров силы", но тут же говорится о решимости и готовности к сдерживанию, "а если потребуются – к разгрому потенциальных противников".

В общей сложности в этом документе тезис об американском лидерстве повторен около 100 раз, а Россия в этом документе упоминается 17 раз: 13 раз – в комбинации с термином "агрессор", три раза – в комбинации с термином "угроза" и только один раз – в комбинации с термином "партнер" (это относится к продолжающимся переговорам по иранской ядерной программе).

Вот события, которые коренным образом развернули логику, заложенную в Парижской хартии для новой Европы. В 1993 году НАТО объявила о своих планах по

расширению за счет стран Центральной и Восточной Европы. В 1994 году НАТО провозгласила свою готовность действовать военными методами и средствами уже за пределами территориальных границ стран – членов альянса.

Разумеется, параллельно началась активизация позиций в сфере безопасности и Европейского союза, который раз за разом делает собственную заявку на собственную компетенцию в сфере европейской, общеевропейской и глобальной безопасности. На наших глазах очень часто уже для неискушенных слушателей оказывается незаметной подмена понятия " общеевропейский " на понятие " европейский ", а под этим " европейским " понимается " евросоюзовский " взгляд на мир.

Эта конструкция, которую уже без нашего участия и без нашего согласия стали складывать для Европы и для всего мира западные государства, не смогла предотвратить ни югославского сценария в конце 90-х, ни очень сложных и разрушительных конфликтов на территории бывшего Советского Союза. Я имею в виду и приднестровский, и нагорно-карабахский, и абхазский, и югоосетинский конфликты. Не смогла эта конструкция преодолеть ни трагедию 2008 года, когда Тбилиси напал на Цхинвал, ни нынешние не менее (а во многом и более) трагичные события на территории Украины.

В этих условиях (я возвращаюсь сейчас к возможностям парламентской дипломатии), разумеется, нужен очень откровенный и очень глубокий разговор о том, насколько кредитоспособна, насколько устойчива та конструкция, которую предлагают, я бы сказал, навязывают нам сейчас некоторые наши партнеры, и нет ли необходимости радикальнейшим образом пересмотреть подходы к тому, как общеевропейская и глобальная безопасность должна выстраиваться в будущем. К сожалению, мы лишены возможности использовать для этого многие европейские площадки, лишены не по нашему выбору и не по нашей инициативе. Сейчас нет сотрудничества в рамках Парламентской ассамблеи Совета Европы, где Россия, естественно, является полноценным и полноправным участником всех процессов, являясь членом Совета Европы.

Остановлен по инициативе наших партнеров диалог по линии таких структур, как Парламентская ассамблея НАТО и Комитет парламентского сотрудничества "Россия – Европейский союз".

И в этом контексте одним из немногих (или, может быть, даже единственным) на европейском континенте универсальным механизмом поддержания и продолжения общеевропейского (подчеркну – общеевропейского) диалога остается площадка Парламентской ассамблеи ОБСЕ.

Еще раз повторю, что к работе на предстоящей сессии очень серьезно готовится делегация Федерального Собрания, и, я думаю, мы сегодня об этом поговорим. Там будет достаточное число совершенно конкретных инициатив, и на их поддержку мы, разумеется, рассчитываем. Мы уже получаем подтверждение того, что эта поддержка будет оказана со стороны многих стран, которые выступают с союзнических по отношению к России позиций.

Вот те темы, которые хотелось бы обсудить сегодня. Я уверен, что их гораздо больше. Но мне представляется, что общая тема наших парламентских слушаний сегодня в высшей степени актуальна и, если хотите, бросает вызовы нашему коллективному разуму. Уверен, что мы с ними справимся.

Я хотел бы открыть наши парламентские слушания, обратить ваше внимание на то, что в самом первом приближении подготовлен проект рекомендаций наших парламентских слушаний (он находится у участников), но это не более чем приглашение к разговору, и мы уверены, что по итогам сегодняшней дискуссии он претерпит серьезные изменения.

Я хотел бы предложить установить регламент нашей работы. Собственно выступления, а у нас сегодня два докладчика, – до семи минут и выступления в прениях – до трех минут.

Коллеги, если вы не возражаете, мы начинаем нашу работу. Основные доклады сегодня будут сделаны курирующим это направление (я имею в виду европейское направление) в нашем Комитете по международным делам – заместителем председателя Комитета Совета Федерации по международным делам Андреем Аркадьевичем Климовым и Иваном Дмитриевичем Солтановским, директором профильного Департамента общеевропейского сотрудничества Министерства иностранных дел. И после этого у меня есть уже не менее двух десятков записавшихся. Я буду всех призывать соблюдать регламент. Спасибо, коллеги.

Андрей Аркадьевич, Вам первому слово для основного доклада.

Иван Дмитриевич, готовьтесь.

А.А. КЛИМОВ

Спасибо, уважаемый Константин Иосифович. Вы в значительной степени упростили мою работу. По крайней мере вся вступительная часть уже фактически была произнесена. И я позволю себе, может быть, углубиться в некоторые детали. Кроме того, Владимир Михайлович Джабаров, который фактически от имени Совета Федерации будет возглавлять нашу группу сенаторов в Хельсинки на этой юбилейной встрече в рамках ОБСЕ, тоже в своем выступлении, я полагаю, сделает важные акценты именно на особенностях работы на этой площадке.

Вместе с тем хотел бы поделиться с вами некоторыми мыслями, которые отчасти затронуты в проекте предложенных вам рекомендаций, отчасти, наверное, могут кому-то показаться дискуссионными, но на то мы сегодня и проводим парламентские слушания, чтобы это был достаточно живой разговор.

Те изменения, которые произошли за последние несколько лет... Я бы даже как точку отсечения поставил 2008 год, он многое проявил. Мы все, присутствующие за этим столом, были живыми свидетелями тех обстоятельств, которые там проходили. Катализатором выступили, по всей видимости, события на Кавказе в августе 2008 года. После этого ускоренными темпами Европейский союз начал "клепать" так называемое "Восточное партнерство". Иван Дмитриевич Солтановский, как истинный дипломат, говорил очень аккуратно, что они имеют право разное партнерство создавать, но по его лицу я читал, что, так сказать, он уже готовится к определенной новой проблематике. Я помню, мы с ним тогда проводили совместное большое мероприятие на тему о том, зачем и кому нужно "Восточное партнерство", с участием, кстати, представителей Украины и всех этих стран, да и Европейского союза. И тогда некоторые украинские эксперты, действительно независимые, очень жестко высказались, сказали, что "Восточное партнерство" приведет к гражданской войне на Украине. Все это было сказано еще в 2008 году. Но тем не менее "поезд пошел", и сейчас он просто вышел на некий логический итог. То, что мы наблюдаем, – это не предмет событий на майдане полуторагодовой или двухлетней давности, это предмет целенаправленной работы известных нам сил, а также, наверное, результат некоторых достаточно субъективных явлений и процессов, которые, по большому счету, к России, как и к Украине отношения не имеют, но сегодня, к сожалению, больно отражаются и на нашем межпарламентском сотрудничестве, и на сотрудничестве вообще России и стран Европы.

Как здесь уже говорилось, у нас наблюдается замораживание этого самого диалога. И вот просто в качестве иллюстрации... Комитет парламентского сотрудничества "Россия – Европейский союз" был результатом соглашения о партнерстве и сотрудничестве между Россией и ЕС. Он был конституирован в качестве такого серьезного международного базового соглашения, прошел все необходимые этапы – подписания, ратификации. И, по существу, никто в одностороннем порядке там не может и не должен вносить никаких изменений. Там две статьи были посвящены комитету парламентского сотрудничества. И вот некто господин Шульц, в настоящее время являющийся Председателем Европейского парламента, проснувшись рано утром (по-моему, в Twitter), написал о том, что он замораживает своим решением (в Twitter) работу комитета парламентского сотрудничества

на неопределенный период. Потом как-то он по дипломатическим каналам разъясняет, что это как бы до конца этого полугодия. Потом вообще странные вещи мы слышим. А заодно в здание предлагается не пускать наших дипломатов (почти всех сенаторов и депутатов), а пускать только, как они писали, "от кейса к кейсу", то есть как бы вот по конкретным поводам пускать. При этом руководитель комитета парламентского сотрудничества господин Карас, по нашим данным, был приглашен на серьезный разговор, где его в лучших традициях обкома КПСС воспитывали в одном из кабинетов в Брюсселе, чтобы он ни с какими климовыми не встречался, тем более с железняками, и вообще забыл, где находится Российская Федерация. Я немного утрирую, но на самом деле не в сторону нагнетания, а в сторону смягчения, потому что мне рассказывали знатоки, в каких красках шел этот разговор.

Господин Карас, надо сказать, до этого тоже не проявлял особой ретивости в плане организации встреч. Я знал всех сопредседателей со стороны Европейского парламента, это были очень разные люди, но, по моему впечатлению, ни один так вяло не вел себя на этом направлении, которое, в общем-то, он получил в связи с некой системой распределения между фракциями этих позиций. То есть там ситуация сейчас напоминает мне действительно конец нашего застоя, когда люди проявляют, демонстрируют очевидные примеры волюнтаризма, выходя далеко за рамки своих правовых полномочий, но в результате всего этого страдает дело. Естественно, снимаются возможности для разрядки международной напряженности, возникает вот эта гонка санкций и ответных мер, и происходят многие другие процессы, которых, по большому счету, могло бы и не быть.

Кстати сказать, забегаая вперед, могу заметить в скобках, что конфликт, о котором я сейчас рассказал и который послужил основанием для этой публикации в Twitter, по всей видимости, имеет не очень большое отношение к России, а имеет отношение к разбирательству между двумя политическими силами Германии (ХДС/ХСС): одна – христианские демократы, другая – социалисты. Шульц – социалист, следовательно, Брок, руководитель Комитета по международным делам Европейского парламента, – христианский демократ. И, судя по слухам, христианские демократы предполагают, что господин Шульц может захотеть стать канцлером Германии, и, соответственно, упрекают его в том, что никаких социалистов в чудесным образом появившемся списке невыездных в Россию нет. И поэтому делается вывод, что Шульц и компания – это рука Москвы. И вдруг тут же появляется в Twitter сообщение с такими странными предложениями, которые далеко выходят за рамки его личной компетенции. То есть речь, по всей видимости, шла о такой межклановой борьбе даже не общеевропейского масштаба, а сугубо германского, где австриец Карас оказался просто случайным образом попавшим в этот механизм персонажем.

Это я к чему? Кроме действительно понятных ситуаций, которые возникают между Российской Федерацией, Соединенными Штатами Америки, Европейским союзом, НАТО, есть еще большое количество ситуаций, которые возникают на основании желания людей воспользоваться этой большой ситуацией для решения каких-то таких своеобразных проблем. Поэтому все запутывается еще больше. И, следовательно, наше реагирование на это должно быть тоже со знанием дела, потому что если не знаешь, что происходит, то очень трудно лечить эти заболевания. А это мне все больше и больше кажется похожим на заболевания, в некоторых областях, направлениях.

Так вот, с учетом этого в условиях изменяющегося мира российская парламентская дипломатия может и должна быть важным инструментом реализации нашей национальной стратегии. На каждом из направлений деятельности формы и методы этой работы, конечно, могут иметь свои особенности. В полной мере это относится и к европейскому направлению.

Вместе с тем российский парламент, как высший орган законодательной (представительной) власти в государстве, не может быть лишь сугубо вспомогательным элементом в этой работе, который механически дополняет действия отдельных структур исполнительной власти. Данное положение основывается на Конституции Российской Федерации, ключевых документах, определяющих стратегию внешней политики России. Вместе с тем (собственно, почему я это и сказал) у нас, к сожалению, есть, как говорили

раньше, отдельные факты, когда некоторые воспринимают парламентскую дипломатию как нагрузку для себя, не очень понятную, как своего рода "политический туризм" (я слышал даже и такие высказывания). Мы, естественно, сами (я имею в виду в данном случае членов Совета Федерации и депутатов Государственной Думы, а также наших коллег из региональных парламентов) не должны давать поводов для этого. Но в то же время то, что во времена спокойной, уравновешенной жизни себя проявляло, в нынешние времена, когда идет фактически война идеологий, война информационная, война дипломатическая, конечно, в этих условиях такого рода поведение уже себя, мягко выражаясь, не оправдывает. Естественно, требуют обновления стиль и методы работы самих парламентариев на международных площадках, что особенно необходимо в условиях этой конфронтации, о которой мы сегодня уже достаточно долго говорим.

В тесной координации с Министерством иностранных дел парламентарии в рамках своих конституционных полномочий и на основе законодательства России должны более активно участвовать в формировании повестки дня международных организаций, особенно на европейском направлении. Мы должны научиться эффективно проводить в жизнь собственные предложения, включая активизацию использования двух- и многосторонних связей в рамках международных организаций. Например, трудно за один-два дня внести предлагаемые иногда МИДом изменения в тот или иной документ. Когда начинаешь возвращаться к первоисточникам, выясняется, что регламент данной организации предполагает внесение этих изменений за год. У нас есть такие случаи, мы с ними сталкиваемся.

Я, например, выезжаю, мне говорят: "Ты, пожалуйста, дорогой Андрей Аркадьевич, эти поправки проведи в жизнь". Я приезжаю на место, мне говорят: "Так эти поправки надо было внести год назад". И тогда начинаешь искать наших зарубежных коллег, которые похожие поправки вносили, и за счет разного рода маневрирования в спешном порядке ночью с субботы на воскресенье добиваешься того, чтобы хоть что-то из этого прозвучало.

То есть если мы собираемся работать серьезно и добросовестно, то это предполагает и такую серьезную и добросовестную координацию, причем на достаточно долгосрочном временном отрезке.

С этой целью, естественно, должна усилиться координация действий между депутатами Государственной Думой и членами Совета Федерации. То, что здесь присутствует наш друг и коллега Леонид Эдуардович Слуцкий, я как раз считаю очень ярким свидетельством того, что мы находимся на правильном пути. Мы с ним не одну такую международную европейскую площадку в свое время посещали и активно там работали.

Среди вопросов, на которые можно было бы обратить наше внимание на международных парламентских площадках, где можно было бы сфокусировать наши усилия, я бы назвал такие (это, конечно, не исчерпывающий перечень, это просто чтобы была какая-то конкретная основа для разговора). Неделимость безопасности в Европе и во всем мире. Как мы помним, мы с такими инициативами многократно выходили. Более чем пять лет назад тогда еще Президент Медведев вносил документ специальный. До сих пор никакой содержательной реакции на это нет, к сожалению, и тема, таким образом, повисла в воздухе, но актуальности своей не потеряла.

Далее – защита окружающей среды. Очень интересная тематика, особенно учитывая, что в декабре в Париже будет Конференция ООН по вопросам изменения климата. Здесь можно было бы как раз со многими коллегами в хорошую кооперацию вступить, потому что здесь, я считаю, эта неполитизированная тема дает возможность очень серьезного сближения позиций и расширения круга наших контактов.

Гармонизация интеграционных процессов в большой Европе – от Тихого океана до Атлантики. Востребованность прямо чувствуется. Я недавно встречался в Милане с руководством Итало-российской торговой палаты, до этого беседовал с представителями Ассоциации европейского бизнеса в России – огромный интерес к этой тематике.

Поддержка традиционных культурных и этнических ценностей. Противодействие неонацизму. Борьба с христианофобией и аналогичными проявлениями нетерпимости и агрессии к иным мировым религиям. Соблюдение прав национальных меньшинств, в том числе недопустимость лишения гражданских прав (все в этом зале понимают, о чем идет речь). Свобода передвижения, включая отмену виз между Россией и ЕС. Кажется, сегодня это уже какая-то заоблачная цель, но тем не менее с повестки дня как стратегическую ее снимать, наверное, неправильно.

Защита прав детей, в том числе борьба с педофилией и детской порнографией. Кстати сказать, наши оппоненты именно через это всё пытаются нас критиковать, обвиняя наш парламент в том, что мы приняли законодательство, ограждающее пропаганду среди детей всех этих явлений. Нам же за это еще и пытаются, так сказать, ставить на вид. Между прочим, в последней резолюции Европейского парламента этот пассаж тоже присутствует.

Безопасность и защита представителей СМИ. Невмешательство как во внутренние дела суверенных государств, так и в частную жизнь граждан, а также противодействие разного рода так называемым цветным революциям. Защита социально-экономических прав человека (о чем все меньше и меньше говорят, к сожалению, в Европейском союзе) в условиях международного финансового кризиса. И другие вопросы.

Важно самим переосмыслить характер взаимодействия с целым рядом международных организаций. Здесь, я думаю, отдельно будет сказано о Парламентской ассамблее ОБСЕ, о Парламентской ассамблее Совета Европы тоже, в общем, Константин Иосифович уже здесь говорил. Но в реалиях современной Европы (это не только по отношению к России) сам Совет Европы уже теряет свое значение в связи с тем, что многие функции узурпированы Европейским союзом, он давно уже говорит от имени всей Европы. А НАТО взяла на себя функции, которые традиционно раньше обсуждались как связанные с европейской безопасностью. Поэтому площадка Парламентской ассамблеи Совета Европы, даже безотносительно к тому, что происходит между нами и ими, сама по себе уже маргинализируется, отходит на второй (а может, даже на третий) план европейской политики. Во всяком случае, если спрашиваешь простых граждан в Европе, что такое Совет Европы, они не очень понимают, о чем идет речь.

Нам, безусловно, необходима продуктивная работа и в новых форматах с использованием новых возможностей. В том числе, допустим, Межпарламентский союз – казалось бы, глобальная площадка, но там есть место для того, чтобы вести очень серьезный, насыщенный диалог с нашими партнерами в Европе.

Парламентское измерение "Европа – Азия" (такой формат тоже есть) – очень серьезная площадка. Там нас ждут, и там у нас очень большое количество союзников.

Парламентская ассамблея Средиземноморья – давно приглашают, хотя бы в статусе наблюдателя. Только из-за каких-то бюрократических процедур мы не можем туда попасть, хотя и мы хотим, и они не против. Причем это мяч на нашей площадке, скажем так. Здесь надо, конечно, с этим разобраться. И, по-моему, уже настала пора нам там говорить открыто.

Наконец, неправительственные организации. В частности, здесь мы разложили журнал известного вам российского парламентского Европейского клуба, который стал хорошей площадкой в условиях обострения кризиса. Мы провели второй Панъевропейский фестиваль марафон. Более 30 тысяч человек приняли участие, в том числе депутаты Европейского парламента, национальных парламентах, парламентах государств Европейского союза, мэры городов, и, конечно, ЮНЕСКО была вовлечена. То есть в принципе в условиях, когда вроде бы пытались ограничивать нам эту работу, мы ее так развернули, что там некоторые удивились.

Безусловно, в организациях, о которых мы здесь уже говорили, таких как Ассоциация европейского бизнеса, находятся люди, как раз поддерживающие усилия, направленные на то, чтобы скорее эта санкционная истерия заканчивалась.

Таким образом, еще раз подчеркну, что если мы гибкоотреагируем на ситуацию, если мы расширим наши возможности, наш инструментарий, то, мне кажется, в итоге все-таки, как говорили раньше, победа будет за нами. Спасибо большое за внимание.

К.И. КОСАЧЁВ

Спасибо, Андрей Аркадьевич.

Обсуждение позже.

Иван Дмитриевич Солтановский, директор Департамента общеевропейского сотрудничества Министерства иностранных дел Российской Федерации.

Вы основные докладчики, но все равно прошу помнить о регламенте.

И.Д. СОЛТАНОВСКИЙ

Уважаемые коллеги! Хочу поблагодарить руководство Совета Федерации и Константина Иосифовича за приглашение выступить на сегодняшних слушаниях. Тематика очень актуальна, и она была здесь очень выпукло обозначена. Но с самого начала не могу согласиться с таким как бы брошенным камнем в собственный огород, что мы рассматриваем парламентскую дипломатию как "политический туризм". Отнюдь нет.

С МЕСТА

Это не к вам относится.

И.Д. СОЛТАНОВСКИЙ

Я понимаю. Нет, так... в собственный огород, понятно. Это отнюдь не так. Как раз сейчас расширяются, правильно было сказано, возможности в условиях, к сожалению, ограниченных контактов по линии МИДа с целым рядом европейских стран в условиях санкций, исполнительных структур. Парламентская дипломатия может во многом дополнить, а иногда идти и впереди. Во всяком случае, действительно очень большой инструментарий у вас, и возможность высказываться открыто тоже в значительной степени присутствует. Мы это ценим и поэтому всегда сотрудничаем с нашими коллегами из обеих палат Федерального Собрания.

Анализ ситуации был представлен очень выпукло, я не буду долго на нем останавливаться. Политический климат в Европе далеко не в лучшем состоянии. И стремление наказать Россию за Украину настолько навязчиво, что затмевает разум даже у тех политиков, которых мы привыкли рассматривать как конструктивных и прагматично мыслящих.

Конечно, надо извлекать уроки из внутриукраинского конфликта, чтобы подобные кризисы больше не сотрясали Европу. Но это коллективное дело, а не только России (вернее, совсем не России), к чему мы и призываем партнеров. Кажется, какие-то голоса трезвомыслящих все-таки раздаются, но мы стараемся анализировать ситуацию прагматично, не идеализировать. Во всяком случае, последний раунд, последнее продление санкций со стороны Евросоюза было для нас предсказуемым, сюрпризом не явилось, соответственно, и объявленные меры последовали со стороны высшего руководства тоже хорошо заранее продуманные.

И вот на этом фоне, конечно, ОБСЕ в силу сложившихся обстоятельств вполне способна сыграть возросшую роль в укреплении общеевропейской архитектуры. И события на Украине наглядно продемонстрировали, что эта организация, которая в течение долгого времени была, к сожалению, в тени, сегодня стала (это было абсолютно правильно Константином Иосифовичем подчеркнута), по сути, единственной площадкой для политического диалога. И она имеет действительно реальный потенциал для согласования

коллективных мер урегулирования конфликта, а в перспективе – и выхода из системного кризиса евробезопасности. А в том, что такой кризис – системный, у нас уже сомнений нет. Хотя нам пытаются навязать и другую логику, поставив в основу нынешнего осложнения ситуации в Европе, в Евроатлантике и даже шире именно украинские события. Наша же логика совершенно противоположная: отправной точкой этого кризиса евробезопасности стали далеко не украинские события, а кризис на Украине стал следствием копившихся с конца XX века разногласий, причем существенных, относительно того, как выстраивать в будущем политическое и социально-экономическое развитие европейских стран.

Правильно было сказано, что окончание холодной войны было совершенно поразному воспринято у нас и на Западе. Очень хорошо здесь был упомянут Буш. Действительно, ослепление от мнимых успехов и привело к тому, что, по сути, к сожалению, мы не преодолели (к чему мы так стремились) разделительные линии на континенте. Они не исчезли, просто идеология уступила место экономической и политической целесообразности в рамках все так же продолжающейся борьбы за сферы влияния.

Конъюнктурная трактовка международного права в угоду политической целесообразности привела к подрыву доверия к принципам общеевропейской безопасности. Об этом говорил еще в 2007 году Президент Путин на мюнхенской конференции, которая еще тогда (я это помню по работе: я в это время работал при НАТО в нашей миссии) действительно всколыхнула западников, вызвала большой шок, потому что такие откровенные слова и оценки они не привыкли слышать. А сегодня мы вновь убеждаемся в правильности этих оценок.

Но главная ошибка после объявленного окончания холодной войны в том, что, к сожалению, институциональные рамки к новым условиям в Европе адаптированы не были, а принципы, которые были заложены в Хельсинкском заключительном акте и в декларациях на высшем уровне, так и не были оформлены юридически. Вот в этом и лежала основа нашего предложения о Договоре о европейской безопасности, который упомянул Андрей Аркадьевич, который был предложен нами (об этом западники предпочитают забывать) до агрессии Грузии против Южной Осетии и соответственно не был вызван непосредственно этим фактом, и в котором остаются принципы и идеи о неделимости безопасности (юридическое оформление остается актуальными и сейчас), хотя их, конечно, пытаются "замотать" и конкретных переговоров по ним не вести.

Поэтому сама идея остается (мы так продолжаем считать и настаиваем) жизнеспособной. И преодоление фрагментарности евроатлантической архитектуры мы видим за счет согласования на коллективной основе видения и подходов к неделимости европейской безопасности, неделимости не для НАТО, а для всех активных членов международного сообщества, как теперь модно говорить, факторов евроатлантической повестки, евроатлантической политики. И начать по крайней мере сейчас дискуссию в сторону этого преодоления закрытости друг от друга, конечно, необходимо. Это очень сложно сделать в условиях такого накала политической обстановки.

Но процесс "Хельсинки плюс 40", который был запущен при ирландском председательстве в ОБСЕ, в принципе создает для этого рамки. И мы видим его прежде всего как хорошую платформу для работы над системными проблемами в этой сфере – в сфере общеевропейской безопасности.

Но совершенно явно, что мы не закончим этот процесс в этом году. Сейчас развернуты дискуссии, работает группа мудрецов или группа выдающихся... eminent persons (мы ее как "группу мудрецов" переводим). Наш представитель Караганов вносит активный вклад, хотя он там в гордом одиночестве, но это не значит, что правда не на нашей стороне.

Сегодня, до приезда сюда, у нас в гостях, в МИДе, был англичанин, и он говорит: "Но он же там один". Я говорю: "Но вы тоже бываете одни, это не значит, что вы не правы, в других контекстах и в другом плане".

Поэтому мы считаем, что непременно надо продолжать и работу над докладом в этих рамках, ну и тематические платформы существуют в рамках ОБСЕ. Кстати говоря, наши контакты свидетельствуют о том, что и многие европейцы считают, что этот процесс, конечно, не надо ограничивать хронологическими рамками, вот импульс ему придать надо. Импульс можно придать и в ходе предстоящих мероприятий в связи с 40-летием, в ходе заседания Парламентской ассамблеи, на которую наша видная делегация выдвигается, которой мы всячески стараемся помогать, и в ежедневной работе по всем линиям: и по линии, естественно, мидовской, и по линии других госструктур, по парламентской демократии.

Мы считаем, что сейчас как раз возросла актуальность подтверждения принципа невмешательства во внутренние дела суверенных государств, включая недопустимость диверсионных действий и поддержки смены власти в других странах неконституционным путем.

Конечно, остается проблема. Нужно искать, стремиться найти взаимоприемлемый баланс между принципами нерушимости границ, территориальной целостности и правом наций на самоопределение.

Важно постараться продвинуться в решении проблем, которые возникли в Европе в связи с появлением все большего числа территорий со спорным, непризнанным, неопределенным международным статусом, и постараться прийти здесь к какому-то консенсусу.

В будущем, очевидно, стоит подумать и договориться о конкретных формах согласования изменений конфигураций существующих в Европе военных блоков и о наполнении реальным содержанием, нормальными отношениями, а в будущем – и сотрудничеством между ними.

Все эти договоренности, конечно, следует рассматривать в рамках будущего единого экономического и гуманитарного пространства. Эта идея – не пустой звук и не только лозунг, это практическая директива к нашей работе на общеевропейском пространстве.

Здесь, конечно, появились и новые элементы. Это должно включать усилия по сближению интеграционных объединений, о которых все чаще говорят и наши коллеги, наши партнеры, в том числе со стороны ряда ведущих стран Евросоюза. Тематика какого-то *modus vivendi* между ЕС и ЕАЭС звучит со стороны не только немецких политиков, но и других. Здесь я полностью согласен с Андреем Аркадьевичем. Это одна из тематик, мы ее пытаемся внедрить во вторую корзину ОБСЕ. Идет она с трудом, хотя швейцарцы, в частности, поддерживали эту идею, будучи председателем в прошлом году.

Важным элементом строительства такого пространства, конечно, должны быть отказ от применения экономических санкций, что, к сожалению, становится все более и более актуальным сейчас, обеспечение транспарентности на энергетическом рынке. Эта позиция тоже идет не от позитива, а, скорее, от негатива, потому что наши коллеги в Брюсселе в работе на столь важном – энергетическом – направлении предпочитают действовать кулуарно, а в отношении нас в основном выдвигают претензии и избитый лозунг о диверсификации поставок энергоресурсов, которые выливаются, по сути, в дискриминационные меры в наш адрес.

Мы можем решать эту проблему только совместно и, конечно, стараемся найти эти объединительные начала в рамках ОБСЕ, хотя в настоящий момент, конечно, сделать это сложно.

Так вот, возвращаясь к тому, что важен именно сейчас политический сигнал о продолжении процесса "Хельсинки плюс 40", мы тем самым, кстати говоря, тестируем и наших оппонентов на их готовность работать коллективно над будущим Европы и на их готовность отойти от превалирующей сейчас бесперспективной и обвинительной полемики.

Здесь правильно Константин Иосифович говорил о большой роли Парламентской ассамблеи ОБСЕ в предстоящем мероприятии. Мы здесь констатируем, что значительную

роль, кстати говоря, по нашей оценке, сыграли мероприятия, семинары о будущем ОБСЕ, которые прошли в Москве, Вашингтоне, Стокгольме, Копенгагене и Белграде. И надеемся, что доклад по всем этим дискуссиям, который будет представлен в Хельсинки 5–9 июля, послужит большим подспорьем в деле повышения эффективности ОБСЕ.

Мы желаем нашим коллегам, которые поедут в Хельсинки, которые уже привыкли к русофобской атмосфере, к сожалению, сначала в рамках ПАСЕ, а сейчас и в рамках Парламентской ассамблеи ОБСЕ, отстаивать, в чем мы не сомневаемся, наши принципиальные позиции.

Со своей стороны, мы будем поддерживать продвижение проектов резолюций по тем актуальным темам, которые здесь обозначил Андрей Аркадьевич. Темы, кстати говоря, действительно очень актуальны, и они перекликаются. Чем они хороши? Они во многом перекликаются и с текущими потребностями европейцев. Скажем, защита окружающей среды – это очень актуальная тема для Евросоюза, здесь у нас многие приоритеты совпадают.

О гармонизации интеграционных процессов уже говорил.

Поддержка традиционных культурных и иных ценностей. Здесь мы в Европе, наверное, в меньшинстве, но тем не менее есть и очень большие сторонники, и эта тема для нас принципиальная.

Свобода передвижения и безвизовый диалог – исключительно актуальная тема, актуальная в свете, по сути, визовой войны, объявленной против нас со стороны Евросоюза применительно, кстати говоря, к гражданам, проживающим в Крыму, и не только в Крыму. Мы над этой темой будем работать, и будем оказывать всячески возможное экспертное содействие.

Защита прав детей. Здесь западникам бить нас нечем, по сути, и это может быть объединительной темой. Мы это будем продвигать в рамках ОБСЕ.

Безопасность и защита свободы СМИ – тема исключительно конфликтная, но для нас исключительно принципиальная. И, конечно, последние мероприятия, где участвовал в том числе наш представитель Долгов, показали беспрецедентный градус озлобленной риторики в наш адрес. Но это нас не должно сбивать с пути, потому что факты и аргументы здесь исключительно на нашей стороне.

Ассоциация европейского бизнеса полностью поддерживает необходимость дальнейшего развития сотрудничества с ней. Она себя хорошо зарекомендовала, в том числе и в рамках приграничного сотрудничества, которое пока еще остается относительно деполитизированной сферой сотрудничества, хотя попытки ее политизировать тоже со стороны ЕС имеются.

Коллеги, я заканчиваю, говорить можно долго. Еще раз спасибо за приглашение. Желаю вам всяческих успехов.

К.И. КОСАЧЁВ

Спасибо, Иван Дмитриевич.

Коллеги, мы переходим к дискуссии. Леонид Эдуардович Слуцкий, наш коллега и добрый друг, председатель Комитета Государственной Думы по делам Содружества Независимых Государств, евразийской интеграции и связям с соотечественниками и не в последнюю очередь активный участник межпарламентских контактов и ассамблей, заместитель руководителя нашей делегации в ПАСЕ.

Леонид Эдуардович, пожалуйста.

Л.Э. СЛУЦКИЙ

Большое спасибо, Константин Иосифович, за то, что мы вместе отработали много лет. Я, в частности, работал Вашим заместителем, как руководителя этой самой делегации в ПАСЕ. И спасибо за то, что с Вашим приходом наши профильные комитеты палат Федерального Собрания стали взаимодействовать столь тесным и конструктивным образом.

Считаю сегодняшние слушания весьма своевременными в связи с теми процессами, которые происходят в Европе, и хотел бы еще раз без лишней комплиментарности вернуться к позиции Константина Иосифовича, который задал любопытный исторический базис нашей дискуссии, – Парижская хартия 1990 года.

Возьмем систему координат нашего обсуждения с нулевой точкой в виде этого весьма знакового на то время документа. На тот момент была совершенно другая европейская архитектура. Что касается Европейского союза, который там упоминается где-то в экономическом разделе один раз, по сути, Европейского союза как такового еще не было, он начал быстро развиваться с Маастрихтского договора 1991 года, который создал сегодняшний европейский договор, и даже на тот момент всего лишь как оболочку, я бы сказал, в которую субстантивные кирпичики первые типа Европейского парламента начали добавляться в 1993 году, когда Европа начала формировать общий рынок. И еще совершенно не сравнимой с сегодняшним размахом деятельности НАТО в Европе также не было. Натовская такая серьезная, масштабная экспансия в Европу началась несколько позднее, в том числе и по линии ее Парламентской ассамблеи. Тогда еще были весьма сильны те позиции, к которым мир пришел по итогам Второй мировой войны (многополярное мироустройство с главенствующей ролью ООН), и это конструктивным образом проецировалось и на европейские институты того времени, основными из которых были действительно СБСЕ и Совет Европы. И в ряде резолюций начала 90-х знаковым образом прослеживается как раз необходимость поддерживать в Европе многополярный миропорядок. А дальше ситуация начала меняться. После распада Советского Союза Соединенные Штаты Америки начали медленно, но верно реализовывать мысль о мировой гегемонии. Недаром очень характерно Константин Иосифович по касательной привел слова президента Буша, сказанные им в 1992 году, о том, что "мы победили в холодной войне". Многие тогда этих слов не заметили, тем не менее примерно с этого момента, с 1992–1993 годов, началось последовательное движение одновременно в информационном и политическом мировом пространстве к однополярному миропорядку, к последовательной маргинализации России, которая все эти годы стремилась к тому, чтобы сосредоточиться с силами и каким-то образом сформировать видение неких интеграционных процессов на европейском пространстве, особенно после 2000 года, когда в 2001 году был создан ЕврАзЭС. И в конце концов это вылилось в евразийский проект – сегодняшний Евразийский экономический союз. И, в общем-то, это очень легко проследить по отдельным вехам.

Кстати, в 1997 году вышла книга Бжезинского, одного из апологетов однополярного мира, "Великая шахматная доска", где, в частности, говорилось о том, что Россия с Украиной – сверхдержава, без нее – наоборот, и однополярный мир в XXI столетии будет создаваться на обломках России, против России и, что любопытно, дорогие коллеги, за счет России. Но к этому мы чуть-чуть погодя еще вернемся.

Те страны, режимы, их лидеры, которые открыто выступали против мироустройства с гегемонией одной державы, начали стираться с лица земли. При этом интересным образом был взломан, я бы сказал, и Совет Безопасности ООН, резолюции которого говорили о неприменении вооруженных сил в ряде стран, куда потом на основе этих же резолюций, прикрываясь ими, как фиговым листком, вводились вооруженные силы альянса и Соединенных Штатов Америки. Это было и в Ираке, и в Ливии. Несколько более хитрая ситуация была с Косово, до этого – с Югославией. Но финал был неизменно один: в мировой архитектуре и в мировом информационном пространстве последовательно проводилась линия на то, чтобы в XXI столетии был однополярный мир.

Каким образом это связано с тематикой сегодняшних слушаний? Очень хорошо Андрей Аркадьевич Климов сказал о том, что происходящее сегодня все более и более

напоминает болезнь. А для того чтобы ее лечить и найти совместные пути, алгоритмы лечения болезни, сначала надо ее продиагностировать.

Сегодняшние Соединенные Штаты Америки с трудом могут говорить (по крайней мере в экономической плоскости) об эффективном движении к однополярному мироустройству. Давайте посмотрим на население и на валовый продукт Соединенных Штатов. То ли дело Европа, где население – 830 миллионов и совокупный ВВП – 22 триллиона. Это я беру Европу, не только страны – члены Европейского союза.

Сегодня идет геополитическая схватка за Европу: с кем будет Европа – с теми, кто сегодня является сторонниками однополярного мироустройства, однополярной архитектуры, либо сторонниками конструктивного сотрудничества с теми интеграционными структурами, которые сегодня возрастают (это в первую очередь Евразийский экономический союз, Шанхайская организация сотрудничества, просматривается тут пока еще достаточно штрихпунктирными линиями такая планетарная интеграционная структура, как БРИКС)?

Недаром госпожа Клинтон за несколько недель до своей отставки сказала о том, что США будут последовательно выступать против Евразийского экономического союза. Очень характерное высказывание. И действительно, мы сегодня видим вал критики против процессов евразийской интеграции, и не только в американских, но в первую очередь в западноевропейских средствах массовой информации.

Сегодня на европейских политических площадках и в умах европейского политикума, в средствах массовой информации стремительно, насколько это возможно, нагнетается образ России как главного врага для конструктивной мировой архитектуры в XXI столетии, агрессора, страны, которая аннексирует какие-то территории. И, в общем-то, в информационном пространстве, опять же, вехи маргинализации образа России за рубежом, и в первую очередь в Европе, проследить очень просто. 2007 год – мюнхенская речь Владимира Владимировича Путина, затем – Литвиненко, когда чопорный британский политикум на значительное время превратился в некую клокочущую от страха и ненависти к нам субстанцию. Затем была ситуация с Цхинвалом, когда до конца 2009 года, пока не появился доклад Тальявини, все думали, что Россия напала на маленькую Грузию. В связи с этим вспоминается выступление Владимира Владимировича на заседании Валдайского клуба в начале 2009 года. Он вспоминал, как на пекинской Олимпиаде шелкал тумблером и смотрел разные каналы: "Россия напала на маленькую Грузию!" Он сказал тогда: "Поздравляю, господа, это прекрасная работа, но это нечестная работа". Ну и так далее.

Почему эта нечестная работа стала возможной? Здесь сегодня нет Виталия Никитича Игнатенко, одного из столпов нашего информационного мира... Мы, к сожалению, в 1992–1993 годах сами отказались от уникального аппарата пропаганды и контрпропаганды, десятилетиями создававшегося в Советском Союзе. Можно привести такой пример: у нас сейчас объем иновещания в 100 с лишним раз (в 119 раз; недавно, по-моему, Кулистиков и компания провели исследование) меньше, чем в 1989 году в Советском Союзе, когда не было еще Интернета, электронных средств массовой информации и так далее. Мы в информационном измерении напоминаем Луну, которая не имеет атмосферы и каждый квадратный миллиметр которой бомбардируют в единицу времени 10 в высокой степени метеоритов. Наш образ в мире последовательно, профессионально и долгие годы деформируется.

Ну и, конечно, апофеозом маргинализации образа России за рубежом в политическом, информационном пространстве стала ситуация на Украине, когда нас непрерывно обвиняют и на Капитолии, и в сотнях мировых средств массовой информации в том, что мы – главная угроза мировой цивилизации.

Не так давно мы провели анализ сотни с лишним франкоязычных СМИ африканского континента и чуть меньше испаноязычных СМИ стран Латинской Америки. Меняются авторы и заголовки, суть остается той же: Россия, Путин – главная угроза мировой цивилизации, мировой архитектуре и так далее.

Какое же здесь противоядие? Как можно системно противостоять той колоссальной работе, которая ведется против нас, чтобы нас окончательно маргинализировать? Это имеет свою проекцию, о чем здесь уже упоминалось и на европейских площадках. Нас выдавили, по крайней мере на этот год (и с большой вероятностью эти резолюции продолжатся), из Парламентской ассамблеи Совета Европы. Мартин Шульц прекратил деятельность Комитета парламентского сотрудничества "Россия – Европейский союз". Мы поедем действительно с 5 по 9 июля в Хельсинки. Кстати, те, кто находится под санкциями, пока не получили добро, но, наверное, получают его в последние дни, как мы ожидаем, во главе с Сергеем Евгеньевичем Нарышкиным. Три из наших пяти резолюций уже фактически отодвинуты в сторону, остались резолюции Нарышкина и Николая Дмитриевича Ковалёва, табличку которого мы здесь видим в первом ряду. Надеемся, что нам удастся их провести. Действительно, есть команда, которая нас поддерживает, но эта команда, как несложно предположить, находится в меньшинстве.

Есть, конечно, позитивная тенденция. В Европейском парламенте на днях создалась очередная фракция евроскептиков, наверняка еще выступающие об этом скажут, "Европа наций и свобод", 36 депутатов. Там и Марин Ле Пен, и представители Лиги Севера, и так далее. Но это, опять же, меньшинство, хотя это полноценная фракция с бюджетом и так далее, и так далее.

Люди в разных странах Европы сегодня понимают, что идет мощная волна панатлантической экспансии, которая пытается сделать так, чтобы судьбу европейской цивилизации решали извне. И людей мыслящих в разных странах европейского континента это не устраивает.

На наш взгляд, противоядие здесь одно – как можно более сообща действовать, объединять и палаты Федерального Собрания, и мощнейший экспертный потенциал. Здесь я вижу коллегу Малиновского и многих других представителей экспертного сообщества, которые сегодня, я думаю, выскажут ряд интересных позиций. И уверен, что тот мощнейший профессиональный и интеллектуальный потенциал, который существует в нашей стране, который непрерывно взаимодействует с политикумом, с экспертным сообществом стран Европы, мы должны использовать на разного рода общественных площадках и конференциях, часть из которых планируется, я знаю, Комитетом по международным делам Совета Федерации.

Мы должны говорить и о том, что надо возвращаться на такие площадки, как ПАСЕ, как КПС в Брюсселе. Это будет сделать непросто, но, работая сообща, работая на площадке Парламентской ассамблеи ОБСЕ и в других форматах, которые объединяют представителей гражданского общества, уверен, что нам удастся без утопии в течение самого ближайшего времени... Ответственность за это лежит не только на нашем поколении. Это все необходимо переломить в течение самых ближайших месяцев.

У меня нет времени говорить о русском мире, который продолжает стремительно под внешним давлением сокращаться. И ни один язык за последние несколько столетий на планете так стремительно не исчезал, как русский.

Все это говорит о том, что необходимо быть вместе. И сегодняшние наши парламентские слушания (хочу сказать еще раз спасибо) – это модель того тесного взаимодействия, с помощью которого на европейских парламентских площадках и в различных форматах в плоскости гражданского общества нам удастся добиться в Европе – и в политикуме, и среди представителей экспертного и мыслящего сообщества (это гораздо шире, чем политикум) – здравого и объективного подхода. Спасибо.

К.И. КОСАЧЁВ

Спасибо большое, Леонид Эдуардович. Блестящее выступление, кроме нарушения регламента.

Л.Э. СЛУЦКИЙ

Простите.

К.И. КОСАЧЁВ

Будем еще жестче.

Владимир Михайлович Джабаров, первый заместитель председателя нашего комитета и руководитель делегации Совета Федерации в делегации Федерального Собрания в Парламентской ассамблее ОБСЕ.

Подготовиться Данилову Дмитрию Александровичу.

В.М. ДЖАБАРОВ

Спасибо большое, Константин Иосифович. Я постараюсь покороче.

Что хотелось сказать? Прежде всего, спасибо руководителям этих слушаний. Я считаю, очень своевременно мы их проводим. Сегодня, вы знаете, Парламентская ассамблея ОБСЕ стала, по сути, главной площадкой, где мы можем действовать, реализовывать стоящие перед нами задачи парламентской дипломатии. Это становится особенно актуальным после того, как произошли известные события в Парламентской ассамблее (ПАСЕ), где российская делегация лишена права голосовать на сессиях ассамблеи и участвовать в работе ее руководящих органов. Кроме того, это очень нужное нам мероприятие в плане координации усилий, определения ориентиров деятельности на предстоящей ежегодной сессии в Хельсинки с 5 по 9 июля.

Может быть, я скажу общеизвестную вещь, но нам приходится действовать сейчас в очень сложных условиях, поскольку мы подвергаемся целому валу антироссийских выступлений. Раньше нас критиковали за Южную Осетию, Абхазию, за "дело Магнитского", "болотное дело", сегодня критикуют за выход из Договора об обычных вооруженных силах в Европе, за Крым, Украину. И все это отражается на тех резолюциях, которые предполагается принять в Хельсинки.

Самое неприятное – большинство делегаций голосуют не в нашу пользу. Мало кто нас поддерживает в Парламентской ассамблее ОБСЕ. Даже в рамках СНГ у нас нет полной уверенности в том, что соседи поддержат нашу позицию. Расклад такой: вместе с нами голосуют белорусы, армяне, казахи; часто нас поддерживают киргизы, таджики, азербайджанцы, иногда – молдаване; молчат туркмены; узбеки вообще не приезжают, вы знаете, на эти сессии; и наиболее враждебны к нам, конечно, младоевропейцы так называемые – это прибалты, поляки, ну и канадцы, не говоря уже о нынешнем составе украинской делегации, представители которой чуть ли не в рукопашную бросаются на наших представителей на этих форумах.

Но среди делегаций дальнего зарубежья есть немало парламентариев, которые в личном качестве готовы нас слушать, стремятся к компромиссу и сбалансированным оценкам. Такие люди, кстати, есть в делегациях Германии, Италии и Франции. Поэтому надо с удовлетворением признать, что наша деятельность небесполезна: есть к кому обращаться, есть с кем вести диалог в Парламентской ассамблее ОБСЕ, есть кому разъяснять нашу позицию.

В этом, кстати, меня убеждает наша недавняя поездка в Швейцарию в составе группы дружбы. Группу возглавлял заместитель Председателя Совета Федерации Юрий Леонидович Воробьев. И мы договорились с нашими швейцарскими коллегами взаимодействовать там, где это возможно, на площадке Парламентской ассамблеи ОБСЕ.

Кстати, многие вопросы надо разъяснять. На встрече со статс-секретарем швейцарского МИДа он сказал: "Вот мы боимся вас". Мы спрашиваем: "Почему?" – "Санкции мы вводим оттого, что мы бессильны". – "А чего вы боитесь?" – "Ваших войск". Мы спрашиваем: "А почему вы их боитесь?" Они отвечают: "Русские войска были в Швейцарии, а швейцарские войска никогда в России не были". Мы говорим: "Да, российские войска были в Европе два раза: первый раз освобождали от Наполеона, а второй раз – от

гитлеровской Германии. И сначала эти войска были у нас, потом мы просто их гнали". Ну, в общем, посмеялись и, собственно, нашли понимание, на мой взгляд.

К июльской сессии Парламентской ассамблеи ОБСЕ в Хельсинки с помощью МИДа нами был подготовлен проект резолюции об обеспечении верховенства права, включая неприемлемость применения принципа экстерриториальности для уклонения от выполнения международных обязательств и национального законодательства по защите основных свобод и прав человека. Это было сделано в соответствии с решением нашей палаты внести в Парламентскую ассамблею ОБСЕ резолюцию по теме нарушений прав человека в секретных тюрьмах ЦРУ. Резолюция, к сожалению, не набрала достаточного количества подписей, как еще несколько других резолюций, авторами которых являлись другие члены российской делегации. В этой связи стоит вопрос работы с делегатами из других стран. Видимо, мы напрасно надеялись на наших партнеров по ОДКБ, МПА СНГ. Наверное, надо искать поддержку и в других странах через посольства России в этих государствах.

Надо вместе подумать, как усилить информационную поддержку нашей деятельности на сессиях. Сегодня нужны аргументированные пропагандистские материалы по Крыму, по восточным областям Украины, по делу Надежды Савченко. Самое интересное, что многие дипломаты на Западе считают, что Надежда Савченко арестована, будучи депутатом Верховной Рады. Они не знают, что она совершила преступление и была арестована еще задолго до выборов, а была избрана, уже находясь в заключении в российском изоляторе.

Кстати, нами подготовлены материалы (нам не всегда дают возможность там выступить), уже один из них переведен на английский язык. Мы разложим их всем участникам Парламентской ассамблеи. Это, первое, тезисы к вопросу о независимости Крыма (мы уже перевели). Кстати, сначала многие депутаты Парламентской ассамблеи как бы пренебрежительно относятся к этим бумагам, а потом, в течение заседания, их читают, и все это где-то оседает. И второй документ – об отсутствии иммунитета у Надежды Савченко (тоже сейчас будем переводить с русского на английский).

В заключение я хочу сказать, что мы чувствуем большую, кстати, поддержку со стороны наших коллег из Государственной Думы. Они там, в общем-то, сражаются здорово. Мы постараемся им тоже помочь. Здесь сидит член нашей делегации Людмила Вячеславовна Козлова, она тоже очень активна на этих заседаниях. Так что будем надеяться, что нам удастся отстоять честь нашего парламента. Спасибо.

К.И. КОСАЧЁВ

Спасибо большое. В добрый путь, что называется. Мы будем здесь тоже за вас переживать, болеть и желать вам успеха, он очень для всех нас важен.

Дмитрий Александрович Данилов, заведующий Отделом европейской безопасности Института Европы Российской академии наук.

Подготовиться Сергею Николаевичу Гончаренко.

Коллеги, просто все регламент не соблюдают.

Д.А. ДАНИЛОВ

Постараюсь переломить тенденцию.

К.И. КОСАЧЁВ

Да, потому что у меня еще человек 10 точно есть.

Д.А. ДАНИЛОВ

Уважаемый Константин Иосифович, уважаемые члены Совета Федерации, коллеги! Спасибо за возможность выступить. Попробую тезисно.

На самом деле, конечно, ситуация серьезно изменилась. Я посмотрел рекомендации, в целом то, о чем я хотел сказать, во многом перекликается с тем, что там написано. Но я хотел бы заострить ваше внимание на некоторых важных, на мой взгляд, моментах.

Первый момент. Тот кризис, который сегодня разворачивается, явился таким взрывом на пересечении двух вызовов: первый из них фундаментальный – это неразрешенный углубляющийся конфликт двух Европ и несостоявшейся большой Европы; второй вызов – это неспособность Украины в течение четверти века построить дееспособное, ответственное и суверенное государство. Почему я заостряю на этом внимание? Потому что, как мне представляется, выход из кризиса невозможен без ответа на оба этих вызова, и они взаимосвязаны: без урегулирования украинского кризиса невозможно позитивно решать общеевропейские проблемы; в свое время, любые наши общеевропейские устремления во многом зависят от того, насколько мы способны будем преодолеть этот украинский кризис на пути формирования этих общих пространств.

В чем состоит новая ситуация? Самое главное – что изменилась общая траектория общеевропейских процессов. Мы и раньше выстраивали балансы по шкале сдерживания сотрудничества, но общая траектория проходила в сторону сотрудничества, в сторону общеевропейских процессов. И в этом отношении показателен грузинский кризис, из которого мы вышли с добавленной стоимостью сотрудничества. Началась перезагрузка непопулярных сейчас российско-западных отношений, появились новые общеевропейские тренды и так далее.

Сейчас ситуация кардинально противоположная: мы находимся на падающей траектории. Например, если почитать Астанинскую декларацию 2010 года, где стороны подтверждают свою решимость строить общеевропейское пространство от Лиссабона до Владивостока, и тогда это, в общем, рассматривалось как демонстрация такой недееспособности или слабости ОБСЕ, то сейчас, если бы такая формулировка была принята, это уже считалось бы достижением. Другими словами, сейчас мы уже говорим о том, находимся мы в состоянии холодной войны или не находимся, движемся мы к военно-политической конфронтации или не движемся. Вот это то, что кардинально отличает нынешнюю ситуацию от "доукраинской" ситуации.

По мнению многих, этот период – переходный, но сегодня никто не дает ответа на вопрос: а переходный период куда, на что нам ориентироваться? Нам ориентироваться на эту понижающуюся траекторию конфронтационного характера, искать так называемые адекватные ответы? Если да, то это одна стратегия. Если мы считаем, что на самом деле есть другие варианты, тогда нужно рассматривать именно нашу внешнеполитическую стратегию в долгосрочном плане, а кризис – как временное явление и тогда выстраивать совершенно другую стратегию.

Мне представляется, что кризис в любом случае, даже если он будет относительно длительным, нужно рассматривать в стратегическом плане как явление временное, поскольку существуют объективные интересы Российской Федерации, которые заявлены, которые никто не отменял, и, мне кажется, их нужно постоянно подтверждать. Одним из этих интересов является, несомненно, европейский приоритет, и, мне кажется, игнорирование роли Европы как приоритетного партнера во многом, в том числе и в публичном поле, наносит существенный ущерб внешнеполитическим интересам России.

Несомненно, у нас есть интересы на Востоке. Несомненно, у нас есть ясные интересы и стремление диверсифицировать свою политику. Но также совершенно очевидно, что экономический рост, экономическая стратегия и модернизация России неразрывно связаны с Европой, и связаны безальтернативно. В этом плане, мне представляется, нужно очень четко соблюдать баланс между адекватными краткосрочными ответами, в том числе военно-политического характера, на украинский кризис и адекватным политическим кризисным реагированием со стороны России.

Естественно, внешние обстоятельства неблагоприятные (я не буду об этом говорить), их можно свести к выражению наших западных партнеров "business as usual невозможен". Но тем не менее, признавая это, не нужно воспринимать это в качестве аксиомы, а, наоборот, нужно настойчиво добиваться выправления ситуации.

В этом отношении, скажу честно в этой аудитории, беспокоит милитаризация бюджета, и это напрямую относится к компетенции нашего сегодняшнего собрания. При этом европейские партнеры совершенно не спешат увеличивать свои бюджеты в ответ на так называемую российскую угрозу. И это, в свою очередь, порождает еще одну серьезнейшую проблему для России – увеличивающуюся зависимость Европы и Европейского союза от США и их гарантий безопасности, когда военно-политическое влияние США в Европе не только усиливается, но и становится серьезным фактором, влияющим... определяющим даже внешнюю политику европейских государств и снижающим их самостоятельные, автономные внешнеполитические возможности.

Таким образом, мы попадаем в серьезный капкан, когда от сильных Соединенных Штатов Америки, как сильного игрока, в том числе и в плане урегулирования украинского кризиса, во многом зависит не только климат европейских отношений, но и их состояние и будущее.

В условиях слабой, достаточно ослабевшей американской администрации, в условиях, когда США вступают в предвыборный период, возникает ситуация также крайне неблагоприятная такой вот серьезной паузы, когда будет очень сложно что-то сделать на американском направлении. Но, мне кажется, как раз именно поэтому стоит иметь в виду, что ни в коем случае это направление не должно быть провалено, нужно по максимуму использовать остающиеся возможности на российско-американском направлении, попытаться сформировать какие-то опорные точки политического, в том числе парламентского, диалога, особенно с учетом роли конгресса.

Я не буду говорить о предложениях, хотя они у меня здесь есть. Хочу только сказать, что на самом деле очень важно то, что отмечено в рекомендациях. В рекомендациях отмечена необходимость использования не только тех площадок, которые существуют, в частности одной из немногочисленных площадок – ОБСЕ, например, для межпарламентского контроля, но и неформальных, кулуарных контактов для формирования не только политики, но и имиджа Российской Федерации. Все мы знаем, что это крайне важно, в том числе это важно и с точки зрения формирования общественного мнения, поскольку в Европе сейчас складывается крайне напряженная ситуация, когда санкционная логика Европейского союза загнала, так скажем, общественное мнение в колею определенного негативного восприятия России, и теперь общественное мнение является фактором, довлеющим на европейскую политику. Эту картинку нужно исправлять с двух сторон.

Поэтому я еще, кроме всего прочего, призываю парламентариев, членов Государственной Думы активнее участвовать, не просто привлекать нас как экспертов, за что спасибо, но и участвовать в наших мероприятиях. Такие возможности есть на самом деле, они были и в прошлом году. К некоторым парламентариям я обращался, некоторые обращения, так скажем, не просто были восприняты позитивно, но и кто-то участвовал в наших серьезных мероприятиях. Я, например, участвую в диалоге высокого уровня по приднестровскому урегулированию. Там Василий Лихачёв у нас принял деятельное участие. Я думаю, что такие вещи нужно использовать. В том числе, возможно, их нужно использовать и на украинском направлении. Здесь, мне кажется, то, что отмечено в рекомендациях формирование вот такого межпарламентского измерения – "нормандского формата", – это хорошо. Но неплохо было бы еще продумать возможности взаимодействия с членами Рады на других уровнях, включая экспертный. Такие площадки и такие предложения тоже уже поступали через экспертное сообщество, может быть, стоит о них подумать. Спасибо.

К.И. КОСАЧЁВ

Спасибо большое.

Реагируя на последнюю фразу – про "нормандский формат" и его возможное парламентское измерение, хотел бы, во-первых, напомнить о том, что эта инициатива неоднократно озвучивалась с Российской Стороны на уровне руководителей обеих палат Федерального Собрания. Мы, каждый из нас, по своей линии ее поддерживали и продвигали. В частности, у меня в рамках ханойской сессии Межпарламентского союза в марте этого года был на этот счет отдельный разговор со спикером германского парламента (нижней палаты – бундестага) господином Ламбертом. Я его, в частности, попросил поддержать эту идею, в том числе в контактах с украинскими парламентариями, которых у нас по понятным причинам сейчас нет. И он мне не так давно прислал письмо, в котором сообщил, что он разговаривал на эту тему с господином Гройсманом – спикером Верховной Рады и получил от него однозначное "нет". Не хотят наши украинские партнеры развивать парламентское измерение "нормандской четверки". Я считаю это совершенно точно еще одним упущенным нашими украинскими соседями и партнерами по Минским соглашениям шансом на то, чтобы эти соглашения все-таки были реализованы. Оставим это на их совести. Спасибо.

Я хотел бы попросить взять слово Сергея Николаевича Гончаренко, заместителя директора Департамента экономического сотрудничества Министерства иностранных дел. Напоминаю еще более настойчиво о регламенте.

Подготовиться Марине Михайловне Лебедевой.

С.Н. ГОНЧАРЕНКО

Уважаемый Константин Иосифович, уважаемые участники! Прежде всего, спасибо за возможность обменяться мнениями здесь, на таком высоком форуме. Наш департамент, МИД в целом ведет всю проблематику Черноморского экономического сотрудничества по постановлению Правительства. И, естественно, Парламентская ассамблея Черноморского экономического сотрудничества тоже в центре нашего внимания.

Что хотелось бы в этой связи сказать? Может быть, как-то диссонансом прозвучит с той тревожной тематикой и тревожными оценками, которые здесь приводились до меня, но в ПА ЧЭС нам, российской парламентской делегации, удастся проводить свою линию и удастся отстаивать, я бы так сказал, верную тенденцию, нашу, российскую тенденцию работы в международных организациях, в международных парламентских организациях. На мой взгляд, в этом заслуга, конечно, нашей, российской парламентской делегации. Яркий пример того, как эта работа делается практически, – замена руководителя Международного секретариата ПА ЧЭС – представителя Украины, который был на этом посту три года, с 2012-го по конец 2014 года, зарекомендовал себя категорически националистом с явным антироссийским уклоном. И благодаря той работе, которую провела российская парламентская делегация во главе с депутатом Госдумы Емельяновым, практически все депутаты – участники ПА ЧЭС проголосовали против него. Сегодня Секретариат возглавляет представитель Азербайджана (в прошлом депутат) Гаджиев.

Что еще можно сказать про Парламентскую ассамблею ЧЭС? На самом деле она существует с 1993 года, принимает ежегодно порядка шести важных документов по достаточно актуальным вопросам. И вот в последнее время, когда Гаджиев возглавил секретариат, появилась тенденция обособиться, из парламентской ассамблеи, которая в любом случае подчинена, скажем так, большому ЧЭС, сделать отдельную, самостоятельную межпарламентскую организацию. С этой идеей Гаджиев обратился к руководству Госдумы и Совета Федерации. Ему было сказано, что вопрос надо обсудить, в том числе с участием правовых экспертов. МИД, я так понимаю, будет активно участвовать в таком обсуждении. Свою точку зрения мы высказывали. Здесь надо, конечно, всерьез подумать и посоветоваться, в том числе и с участием представителей нашего Правового департамента МИД.

И еще один сюжет, напрямую не связанный с Парламентской ассамблеей ЧЭС, но связанный с Черноморским регионом. 11 июня Европарламент в Страсбурге принял резолюцию по военно-стратегической ситуации в бассейне Черного моря. В установленном

порядке наше постпредство в Брюсселе довело содержание этой резолюции до сведения Москвы. Резолюция существует на английском языке. Я готов передать ее вам, в комитет. Очень интересный документ, в котором нет практически ни одного хорошего слова о России. Один из авторов резолюции – общеизвестный Пашку, румынский евродепутат, бывший министр обороны Румынии. Но слова "аннексия Крыма и Севастополя" – пожалуй, самые мягкие слова, которые есть в тексте резолюции. Это вторая попытка Европарламента что-то сказать по черноморским делам. Первая была сделана, если я не ошибаюсь, в январе 2011 года. Тоже была резолюция, тоже с выпадами в адрес России, но не с такими злобными.

Раз уж эта тенденция идет в Европарламенте, может быть, следует и нашим парламентариям выступить со своим видением ситуации: или сделать заявление Госдуме и Совету Федерации, или, может, принять отдельную резолюцию? Но каким-то образом показать, что такие оценки нам, России, известны и они нас категорически не устраивают? В этом плане я совершенно согласен с "третьей черточкой", которая в рекомендациях обозначена в направлении МИД России, – выработать универсальные рекомендации делегациям Федерального Собрания. На самом деле, я думаю, МИД мог бы помочь подготовить такой проект, и, мне кажется, это было бы интересно. Спасибо.

К.И. КОСАЧЁВ

Спасибо большое.

Марина Михайловна Лебедева, заведующая кафедрой мировых политических процессов МГИМО.

Подготовиться Татьяне Глебовне Пархалиной.

М.М. ЛЕБЕДЕВА

Прежде всего, тоже хочу поблагодарить за возможность выступить сегодня. Несмотря на сложную атмосферу, которая существует в мире, хочу начать с позитива. Вообще диалог, наверное, нужно начинать всегда с позитива, иначе ничего не получится.

Так вот, какие позитивные моменты мы имели, когда создавали ОБСЕ? Не буду говорить о роли ОБСЕ, исторической роли ОБСЕ, очевидно, что она велика, а вот на трех моментах я бы хотела остановиться.

Первое. ОБСЕ показала роль институтов в современном мире и в Европе в частности. Действительно, когда появляется кризис, та организация, которая была создана и которая в 90-е годы оказалась, ну, вроде бы неважна и где-то на периферии... вот кризис показал значение институтов.

Второй момент, на который я хотела бы обратить внимание, – это то, что в Европе была создана своего рода модель (образец) возможного регионального сотрудничества, региональной безопасности. Фактически эта модель во многом была образцом для других регионов. Да, в других регионах шло по-другому, но именно европейская модель оказалась наиболее разработанной и наиболее, говоря современным языком, продвинутой моделью.

И, наконец, здесь были четко сформулированы три сферы, четыре "корзины", три сферы, которые очень четко проявились, и мы увидели взаимосвязь этих сфер, – это международная правовая, международная политическая, международная экономическая и гуманитарная сферы.

А что сегодня? Сегодня, мне кажется, первое, регион остается, естественно, важным в современных международных отношениях. Но мы все больше и больше, нравится нам это или нет, выходим за рамки региона, не только в смысле образца для других регионов, но и в другом смысле – регион уже не может существовать, не видя, что творится вокруг. Здесь возникает целый ряд вопросов. Да, а возникает это в связи с этой трансграничностью или глобализацией (как угодно можно это называть).

Отсюда возникает следующее. Угрозы для региона, которые существуют, сегодня формируются не только внутри региона. Вот раньше было проще. И в этом смысле, когда мы

формировали процесс безопасности в Европе, мы понимали, что это основное, центральное звено. Сегодня это не так, и, условно говоря, формируя безопасность в Европе, мы не можем не обращать внимания на то, что у нас творится на Ближнем Востоке, где у нас появляется ИГИЛ и так далее. Поэтому регион и мир – это связка, которую никак не нельзя опускать.

Второй момент, на который я хотела бы обратить внимание, – сотрудничество выходит за рамки региона. Опять-таки, раньше было проще: сотрудничество определялось рамками региона. Сегодня те или иные страны... Вот, кстати, Казахстан, может быть, здесь является таким примером. Казахстан очень активно развивает сотрудничество внутри Евразийского экономического союза, с другой стороны, активно взаимодействует с Европой, с Соединенными Штатами Америки по разным аспектам. Но чисто региональная такая ориентация перестает быть центральной, во многих случаях по крайней мере. Хотя, еще раз хочу подчеркнуть, регион остается как регион, и, конечно, мы не должны опускать важность именно регионального взаимодействия.

Следующий момент. Сегодня в международные отношения и в мировую политику все больше и больше включаются негосударственные акторы, как говорят, – это тот же бизнес, это те же неправительственные организации. Сегодня мы не можем их не учитывать. И вот прозвучала идея такого парламентского измерения – "нормандской четверки"... Не получается напрямую парламентского измерения, но, может быть, получится через экспертное измерение, как первый как бы шаг к тому, чтобы потом сделать действительно парламентское измерение. И вот эти негосударственные структуры, на мой взгляд, очень важно учитывать в выстраивании и региональной политики, и общемировых отношений.

Еще один момент, на который бы я хотела обратить внимание. Вот снова – регион и мир. Дело в том, что выстраивать... Мы говорили о многоцентричности мира. Вообще, я предлагаю использовать термин многоцентричности, а не многополярности, по разным причинам, по крайней мере потому, что полюса отталкиваются друг от друга, а центры все-таки легче взаимодействуют и сотрудничают. Так вот, если говорить о полицентричности мира, то тоже не стоит, что называется, класть все яйца в одну корзину, взаимодействуя с разными центрами и с разными регионами. И, конечно, сегодня, несмотря на то что у нас в значительной степени в экономическом плане вот такой поворот в сторону АТР, конечно, Европа, Евроатлантический регион остается центральным, потому что, нравится нам или нет, политические решения во многом принимаются там.

И следующий момент, последний, на который я хотела бы обратить внимание. Важно сегодня выстраивать не только институты, о которых я говорила, но и то, что называется "структурная мощь". Структурная мощь – это правила поведения, правила, нормы поведения и так далее.

Я приведу, может быть, смешной пример. У меня маленькая красная машинка "Ситроен", так вот, если я правила дорожного движения выстраиваю и говорю, что приоритет красненьким и маленьким, то понятно, как все будут двигаться. Поэтому выстраивание через разные структуры правил (это не обязательно могут быть организации) во многом оказывается сильнее по мощи, чем, может быть, даже институты.

Вывод, который я хотела бы сделать, и на этом закончить. Мы сегодня имеем действительно очень сильные структурные изменения и в Европе, и в мире. Нам действительно нужно думать о новой архитектуре, причем в широком смысле, архитектуре выстраивания взаимоотношений. Но, естественно, выстраивать эту архитектуру невозможно, ломая все предыдущее. То есть, используя и институты, и механизмы, которые были созданы до этого, необходимо выстраивать новую архитектуру, и учитывая те моменты, о которых я сказала, – негосударственных акторов и структурную мощь. Спасибо большое.

К.И. КОСАЧЁВ

Спасибо большое, Марина Михайловна.

Татьяна Глебовна Пархалина, заместитель директора ИНИОН, президент Российской ассоциации евроатлантического сотрудничества, руководитель Центра научно-информационных исследований глобальных и региональных проблем.

Прошу подготовиться Сергея Константиновича Ознобищева.

Т.Г. ПАРХАЛИНА

Кто-то может сказать, что это уже является дежурным, но я все-таки с этого начну – с благодарности за организацию этих слушаний, благодарности, конечно, Совету Федерации, Комитету по международным делам. И благодарю за приглашение выступить на этих слушаниях.

Мы в значительной степени уже как бы ответили на первый русский экзистенциальный вопрос – "Кто виноват?", а остался немножко без ответа второй русский экзистенциальный вопрос – "Что делать?" И я позволю себе как раз сконцентрироваться на этом вопросе, хотя в констатирующей части мне хотелось бы отметить, что, как это ни парадоксально, вследствие ("благодаря" тут нельзя сказать) кризиса в и вокруг Украины Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе вновь стала организацией по безопасности. Эта роль в значительной степени была утеряна после развала Советского Союза.

Я хочу напомнить, что в начале 2000-х годов шла дискуссия и в российском экспертном сообществе: может быть, нам нужно выйти и не стоит вообще... она не играет никакой роли. Слава богу, этого не сделали, мы являемся полноправными членами. Вообще все участники конфликта и те, кто пытается урегулировать этот конфликт, являются постоянными членами этой организации. И это на самом деле очень продуктивно, это может сыграть продуктивную роль.

Мне представляется, что как раз именно на заседании Парламентской ассамблеи ОБСЕ можно было бы помимо тех аспектов, о которых здесь говорили...

Господа парламентарии, конечно, вы лучше чувствуете и знаете, на каких направлениях можно продолжать и развивать диалог, но мне представляется, что, наверное, наступил момент, который обуславливается тем, что мы (Россия и Запад) из-за Украины... И я согласна, кстати, с тезисом о том, что Украина явилась следствием той драматической утери доверия между Россией и Западом... ну, так сложилось в ходе развития в 1990–2000-х годах и в этом десятилетии. Мне думается, что это самый серьезный кризис (некоторые считают, что после окончания – холодная война) после берлинского кризиса 1961 года, когда абсолютно не были известны... Вот в Кубинском кризисе было две опции на самом деле, а в Берлинском кризисе все было открыто. Так вот сейчас тоже очень многое открыто, и пока непонятно, в каком направлении пойдет развитие.

Мне думается, что как раз парламентарии могли бы предложить создание форума ОБСЕ. Может быть, он будет, скажем, не очень формальным, но мы должны начать диалог прежде всего по поводу объективного анализа причин возникновения кризиса. Без объективного анализа мы все из него не выйдем. Это первое.

Второе, что могло бы обсуждаться, скажем, на этом форуме неформально с вашими коллегами – парламентариями из других стран ОБСЕ. Минск-2 – это очень важно, но это ведь стратегия, по сути, прекращения военных действий, стратегия выхода. Нужна как раз стратегия выхода из кризиса, а также нужны новые нормы и правила поведения в Европе, вот то, что не получилось, когда Россия предлагала ДЕБ в 2008 году. Вот серьезного разговора по новым нормам и стандартам поведения в Европе не получилось. В результате мы имеем то, что мы имеем.

При этом я думаю, что мы все должны исходить (и мы в России, и коллеги в Европе, и не только в Европе) из того, что вторая Ялта невозможна в настоящий момент, но и поражение России тоже невозможно. И хотя потенциал, скажем так, экономического давления на Россию у коллективного Запада, конечно, велик, но тем не менее необходимо

объяснять коллегам, что существуют определенные принципы (они должны быть признаны друг за другом), которые ни одна из сторон не может не признавать, во-первых, друг за другом, и которые не может нарушать.

Если говорить о России, то каким-то образом нужно доносить, формально и неформально, об определенной позиции России на постсоветском пространстве, это совершенно очевидно.

Еще один момент, который можно обсуждать с парламентариями из стран – участниц ОСБЕ. Мы все наблюдаем ужасающую, просто чудовищную информационную войну, причем она достигла такого уровня, когда, я думаю, мы все должны задуматься об определенном кодексе поведения сторон в случае конфликтов (нельзя исключать, что они будут возникать и в будущем) "на потом".

Сейчас этот кризис не закончен, но рано или поздно, конечно, мы из него выйдем (мы, Запад, Украина), мы просто не имеем права поступить иначе. Но уже сейчас нужно подумать об этом кодексе поведения государств в случае возникновения конфликтов, потому что, скажем так, все зашкаливает. Просто эти информационные войны ведут к изменению смыслов.

И, пожалуй, последнее, о чем бы мне хотелось сказать. К величайшему сожалению (мы не на телевидении, поэтому можем говорить достаточно откровенно), экономический кризис...

К.И. КОСАЧЁВ

Трансляция идет.

Т.Г. ПАРХАЛИНА

Это очень хорошо. Я имею в виду "не на телевидении" в другом смысле.

Экономический кризис очень серьезный в России, и, конечно, пик его мы еще не прошли. Мне кажется, нам необходимо и на уровне политиков, и парламентариев, и экспертов думать, как же мы будем его преодолевать. Я, может быть, скажу парадоксальную вещь в этих стенах, но мне представляется, что как раз среди парламентариев, прежде всего парламентариев Европы, можно начать разговор о том, что мы, Россия и Европа, должны разрабатывать совместный план восстановления Украины, как это ни парадоксально, в обмен на отмену санкций. Может быть, я говорю парадоксальную вещь сейчас в этих стенах, но мне думается, что подобные планы не просто выведут всех нас из того кризисного состояния, в котором мы находимся, но они помогут преодолеть в будущем это состояние конфронтации, а мы ведь уже находимся в парадигме сдерживания, как это ни парадоксально. Не думал, наверное, никто в середине 1990-х и в 2000-х годах, что мы дойдем до жизни такой. Мы живем в парадигме сдерживания. Но когда-то, как все вы хорошо знаете, Европа пришла к пониманию того, что сдерживание должно сопровождаться и разрядкой. Мне кажется, что мы подошли уже к той черте, когда необходимо думать о новой разрядке, и ОБСЕ – это как раз та площадка, где мы можем и обязаны развивать эти разрядочные тенденции. Благодарю вас.

К.И. КОСАЧЁВ

Спасибо, Татьяна Глебовна, в том числе за очень интересные идеи. Уверен, что они тоже будут предметом осмысления, в том числе на сегодняшней дискуссии.

Сергей Константинович Ознобищев, ведущий сотрудник Института мировой экономики и международных отношений.

Подготовиться Вячеславу Ивановичу Дашичеву.

С.К. ОЗНОБИЩЕВ

Уважаемые коллеги, друзья! Присоединяюсь к россыпи благодарностей. Спасибо за приглашение. Мы, простые эксперты, всегда с благодарностью принимаем приглашение посетить эти гостеприимные стены, где принимаются важные политические решения.

Происходящее сейчас в Европе и в мире и мой скромный 40-летний опыт участия и изучения политики подсказывает, что мы не просто в глубоком политическом кризисе, но и выход из этого кризиса будет очень и очень непрост.

В то же время хочу обратить внимание на то, что такого рода кризисы создают возможность для глубокой модернизации существующих институтов безопасности или хотя бы разговоров о такой модернизации, предложений о такой модернизации. Слава Богу, не война, после войны вообще можно создавать новые институты, как мы помним. Сейчас возможности ограничены, но они есть и надо ими воспользоваться. В процессе кризиса уже наметилось несколько постулатов, на мой взгляд, очень важных, которые помогут нам (если про них помнить, не забывать о том, что мы говорим) из этого кризиса выходить.

Постулат номер один (номер два, если хотите) – о том, что холодная война и конфронтация в Европе – не наш выбор. Об этом было сказано. Мы не позволим втянуть себя в гонку вооружений – тоже было сказано. Значит, давайте думать о том, как следовать этому важному постулату, нам самим следовать, не озираясь на то, что делает наш "партнер" (в кавычках, а может, действительно партнер в будущем все-таки) НАТО.

Дальше. Мы настаиваем (практически буквально, цитирую по памяти) на продолжении процесса сокращения и ограничения стратегических вооружений. Давайте тоже об этом думать, как в практическом плане это выполнять. И вообще хочу обратить ваше внимание, что на протяжении всего кризиса, даже в предкризисный период наше политическое руководство обращало внимание на то, что мы находимся в процессе диалога, мы не собираемся прекращать этот диалог в области обеспечения безопасности.

Ну и важное понимание, которое всех нас преследует, – о том, что военного решения кризиса на Украине нет. И здесь не только велика роль наших европейских партнеров, но наше участие в этом процессе, наши рычаги воздействия на наших партнеров (ДНР и ЛНР) – на мой взгляд, конечно, это очень-очень важный элемент.

Есть еще один важный постулат, о котором мы иногда забываем, а иногда снова вспоминаем, но он является, напомним, основой нашей внешней политики, о чем и сказано в Концепции внешней политики 2013 года, то есть в действующей, утвержденной совсем недавно. И заключается он в том, что, во-первых, цель нашей внешней политики – это обеспечение безопасности. То есть мы говорим о том, что безопасность может обеспечиваться не только нашими военными ответами на какие-то вызовы, которые делают Запад и НАТО, но и дипломатическими средствами обеспечения безопасности.

И второй вывод, который для нашего внутреннего развития, наверное, гораздо более важен, – о том, что цель нашей внешней политики – это создание условий для устойчивого и динамичного развития экономики в России. Вот в чем цель-то (понимаете?), а не в "реактивных" подчас ответах на те вызовы безопасности, которые нам бросает Запад. И не просто экономики, а ее технологической модернизации и перевода на инновационный путь развития. А это предполагает уже вполне конкретные действия.

То есть если мы говорим об инновациях, и в соответствии с теми рецептами, которые были отработаны и декларированы не так давно, то это создание и действия в рамках инновационных альянсов с западными странами. С какими? С самыми развитыми, понимаете? С самыми развитыми. При всей нашей любви к Вьетнаму, к Индии той же самой, даже к Китаю они нам соратники, но не большие помощники, потому что, строго говоря, они не являются лидерами инновационного развития. Значит, нам необходимо, и это еще один побудительный мотив, возвращаться к очень плотному сотрудничеству и даже партнерству, где это возможно, с развитыми странами Европы, с которыми у нас, напоминаю, подписано более 20 соглашений о сотрудничестве в целях партнерства. И с ЕС тоже подписано такое соглашение. И с такими лидерами инноваций, как Соединенные Штаты Америки и Япония.

Значит, восстановление отношений с этими странами нельзя откладывать в долгий ящик. И, на мой взгляд, надо воспользоваться все-таки тем, что сейчас пока что у власти находится президент Обама, а не кто-то, кто еще хуже для нас (а любой другой вариант для нас будет гораздо более напряженным со всех точек зрения, я в этом абсолютно уверен).

И в этой связи, мне кажется, есть несколько рецептов, которым мы можем следовать уже сейчас или по крайней мере о них думать. В самом срочном порядке, мне кажется... Вы знаете, информационная война, все прочие вещи, которые сейчас происходят вокруг нас, еще в определенной степени связаны с непониманием нашей позиции по Украине. Ясно, что мы поддерживаем наших соотечественников. Кто такие "соотечественники" – не всегда понятно, но поддерживаем, да? Россия, на мой взгляд, должна сделать заявление (может быть, несколько заявлений в каких-то нескольких речах Лаврова, еще как-то это сделать) по Украине, где мы должны четко заявить о своих целях, как мы видим нашего доброго соседа. Это, наверное, Украина, имеющая безъядерный статус, имеющая безблоковый статус, где соблюдаются права русскоязычного населения или права наших соотечественников (подумать над названием), сказать об уважении суверенитета и территориальной целостности Украины. Это всё очень важные вещи, которые прояснят нашу позицию, где мы сегодня находимся, и в то же время во многом могут снять звучащие в наш адрес обвинения в неоимперских амбициях и так далее.

Дальше. В ближнесрочный период, на мой взгляд, важна вот такая задача. Смотрите: что ни день, то новые известия о том, что 250 танков завезут с гаубицами, без гаубиц, еще что-то такое будет происходить. И при этом НАТО говорит о том, что они строго соблюдают положение основополагающего акта. Напомню, какое положение, – что будет обеспечена безопасность не путем дополнительного постоянного размещения существенных боевых сил. Что ни слово, то загадка. Дополнительно – это что? Сколько и к чему, да? Постоянное – на какое время? Существенно – это сколько? Это 5 танков или это 250 танков? А, может, завтра будет 500.

Мне кажется, что у дипломатии есть такая срочная задача... Если бы министром был я, я бы сейчас поставил вопрос о том, что давайте прояснять, что вы делаете и какие возможности для вас того, что вы делаете, не нарушая положений основополагающего акта, который вы обязались строго соблюдать.

На среднесрочный период, мне кажется, можно и нужно даже декларировать принципы или свод каких-то принципов наших конкретных действий, России, что мы предлагаем по укреплению европейской безопасности, модернизации институтов. То, о чем уже говорилось, то, о чем думалось, и то, чего нам хочется, можно собрать вместе и об этом заявить, не один раз, может, а можно сделать большое заявление. Вот возвращаю, так сказать, к тем программам мира и прочим вещам, которые были в советские времена, которые все время звучали, и они имели очень позитивный эффект, и многие вещи претворялись в жизнь. На мой взгляд, это абсолютно...

К.И. КОСАЧЁВ

Сергей Константинович, регламент. Я прошу прощения, что напоминаю.

С.К. ОЗНОБИЩЕВ

Я уже заканчиваю. У меня еще 30 секунд, я укладываюсь.

И долгосрочный период. Мне кажется, что надо продвигать какую-то программу по обеспечению устойчивого мира и безопасности в Европе. Это могут быть новые идеи общеевропейского совещания, это могут быть новые идеи Парижской хартии. И я бы в связи с этим добавил в проект рекомендаций наших парламентских слушаний, что здесь может быть очень велика и полезна роль экспертной общественности. Не просто парламентский диалог, а международный экспертный диалог или международный экспертно-парламентский диалог, потому что эксперты в своих решениях, высказываниях, мечтах и в своей работе еще гораздо более свободны, чем парламентарии. Спасибо.

К.И. КОСАЧЁВ

Спасибо большое, Сергей Константинович, в том числе за конкретные предложения в проект наших рекомендаций.

Вячеслав Иванович Дашичев, главный научный сотрудник Центра внешней политики России Института экономики и автор очень-очень интересных и мощных публикаций, в том числе в последнее время, на те темы, которые мы сегодня обсуждаем.

Пожалуйста, Вячеслав Иванович.

Подготовиться Ивану Николаевичу Тимофееву.

В.И. ДАШИЧЕВ

Уважаемые коллеги! Я считаю, что Комитет по международным делам поставил очень важную, нужную, актуальную тему для обсуждения, ибо положение сейчас в Европе и вообще во всем мире очень тревожное. И в этой связи я хотел бы здесь подчеркнуть исключительную важность двух международных актов (или документов), которые были приняты в конце XX века. Это, во-первых, Парижская хартия для новой Европы. Константин Иосифович уже обрисовал содержание этой хартии. Я бы хотел сказать в дополнение, что это самый важный документ XX века. Даже Ялтинское соглашение и другие международные решения не идут ни в какое сравнение с точки зрения значения Парижской хартии для мира, безопасности и сотрудничества в Европе. Там четко сказано о том, что Европа должна быть единой, безопасность – обеспечена, о разоружении, сохранении мира и так далее. А вот антитезой Парижской хартии выступил проект "Новый американский век" –Project for the New American Century.

Между прочим, в разработке этого проекта участвовал нынешний кандидат в президенты США Джеб Буш, представитель династии Бушей. В этом документе совершенно четко и с величайшей наглостью поставлена задача перед политикой Соединенных Штатов Америки: завоевание мирового господства, мировое лидерство, достигаемое путем вооружения, создания превосходства, борьбы против неугодных режимов в мире и так далее. Но, к сожалению, Парижская хартия для новой Европы после развала Советского Союза была забыта, в частности и нашей политикой, я не понимаю почему. Потому что единственной силой, противопоставленной проекту "Новый американский век", может служить Парижская хартия.

Все мы знаем, к чему привело претворение в жизнь проекта "Новый американский век". Я считаю, что мы находимся в настоящее время на пороге предвоенного политического кризиса.

Я в своем четырехтомном труде "Стратегия Гитлера. Путь к катастрофе" очень обстоятельно проанализировал, что такое предвоенный политический кризис. Собственно, там пять основных признаков: первое – это наличие державы, стремящейся к господству и доминированию; второе – сверхвооружение этой державы; третье – проведение локальных войн для расширения стратегического предполья, стратегической территории для осуществления политики господства; четвертое – это пропагандистско-психологическая обработка сознания собственного населения и, пятое, выдвижение мотивов для агрессивной политики.

Естественно, что каждый предвоенный политический кризис обладает своими особенностями. 1914 год или 1939 год – тут есть определенная разница.

Но сейчас что мы имеем? Держава, стремящаяся к господству, – Соединенные Штаты Америки. Они четко поставили себе эту цель и этого не скрывают этого.

Второе – сверхвооружение. В 2012 году – 600 млрд. долларов на вооружение, больше, чем половина всех военных расходов в мире. В нынешнем году они снизили до 400 млрд. долларов на вооружение. Но это все равно больше, чем половина всех мировых расходов.

Третий признак – проведение локальных войн Америкой в Северной Африке, создание внешнего управления на Украине. Соединенные Штаты Америки всячески провоцируют войну в Европе, им нужна конвенциональная война в Европе, чтобы сами они, как и прежде, в XX веке, оставались вне зоны военных действий.

Я написал статью "Европа проиграла XX век Соединенным Штатам Америки", она была опубликована в журнале "Мир и политика". Американская элита убедилась в том, что ей очень выгодна война вне Соединенных Штатов, в первую очередь в Европе, и она делает все, чтобы спровоцировать эту войну.

Прежде всего, конечно, здесь нужно назвать очаг возможной войны – это Украина. Но, к счастью, наша страна не вмешалась военными силами в Украину. Американцы очень рассчитывали на то, что Россия вмешается в украинские дела и в результате возникнет война в Европе. Между прочим, честные, порядочные, ответственные политики и научные круги в Соединенных Штатах Америки прекрасно понимают, чем это грозит, и в том числе Соединенным Штатам Америки.

Я позволю себе привести такой пример. На ежегодном российско-американском форуме, состоявшемся в Вашингтоне 16 июня 2014 года, известный американский политолог и историк Стивен Коэн в своем выступлении заявил: "Наша сегодняшняя встреча проходит в самый худший и потенциально самый опасный момент российско-американской конфронтации за многие десятилетия. Наверное, такое было только во время Карибского кризиса в 1962 году. Гражданская война на Украине, вызванная незаконной сменой власти в Киеве в феврале, уже перерастает в опосредованную войну между США и Россией". А Эгон Бар позавчера написал статью "Мирная война", то есть война не военными средствами, а всякими подрывными, в том числе теми, которые были применены для развала Советского Союза.

Так вот, что делать в этих условиях, в этой очень опасной ситуации? Мне кажется, что очень хорошим противодействием этой политике явилось бы возвращение к принципам Парижской хартии для новой Европы. Я выступал за это уже на протяжении трех лет, у меня было несколько публикаций по этому вопросу. Но почему-то у нас до сего времени эта идея не используется.

Что можно противопоставить американской информационной войне, лживым заявлениям относительно агрессивности России, обработке общественного мнения в Западной Европе и в Восточной Европе, и особенно в Прибалтике? Мне кажется, возвращение или призыв к возвращению к Парижской хартии – это было бы очень эффективным средством противодействия этой очень опасной политике Соединенных Штатов Америки. Мне кажется, это можно было бы сделать парламентской дипломатии, в том числе Совету Федерации, и Государственной Думе, – составить обращение к парламентам европейских стран и призвать их к возвращению этих замечательных принципов Парижской хартии. И ученые, и общественные деятели, и политики могли бы тоже выступить. Ну, человек 40–50 подписали бы обращение к общественности Западной Европы за восстановление принципов Парижской хартии. Это было бы очень эффективным средством смягчения обстановки и противодействия войне, возможной войне в Европе.

И сейчас самая главная задача заключается в том, чтобы не дать перерасти предвоенному политическому кризису в настоящую войну, как это было и в 1914 году, и в 1939-м. Спасибо.

К.И. КОСАЧЁВ

Спасибо Вам большое, Вячеслав Иванович, за очень глубокие предложения. Я могу подтвердить, что в части, касающейся Парижской хартии для новой Европы, в наших рекомендациях этот тезис (вот он здесь, в последнем абзаце на странице 7, я специально проверил) уже присутствует. Спасибо.

Коллеги, мы работаем уже третий час, у меня еще четыре выступающих в списке. Я бы хотел спросить коллег Тимофеева, Павленко, Воронкова и Барановского: все ли настаивают на выступлениях? *(Оживление в зале.)*

Иван Николаевич Тимофеев, программный директор Российского совета по международным делам.

Коллеги, если можно, проявляйте уважение к нашему общему коллективу и соблюдайте регламент еще более жестко.

Подготовиться Ольге Вячеславовне Павленко.

И.Н. ТИМОФЕЕВ

Спасибо большое, Константин Иосифович.

Хотел бы несколько слов сказать о нашем проекте, который мы ведем в Российском совете по международным делам совместно с Парламентской ассамблеей ОБСЕ. Ассамблея выступила в 2013 году с инициативой провести экспертный проект силами нескольких think tanks из ряда стран. В этот консорциум think tanks вошли, помимо российского совета, шведский СИПРИ, датский институт международных исследований, финский институт международных исследований, Фонд Джорджа Маршалла в Вашингтоне, и недавно к нему присоединился белградский фонд международных исследований.

По результатам этой работы мы в Российском совете по международным делам при самой тесной, самой серьезной поддержке наших экспертов подготовили доклад по проблематике ОБСЕ, он был представлен 25 сентября здесь, в Москве. Я очень благодарен и профильному комитету Совета Федерации, и профильному комитету Госдумы, и МИД России за поддержку, которая была оказана в организации этого мероприятия.

Соответственно, сейчас мы этот проект завершаем, 4–6-го числа будем в Хельсинки: 5-го числа у нас экспертное выступление по результатам проекта и 6-го числа мы участвуем в пленарном заседании в рамках юбилейного заседания ассамблеи.

Еще несколько слов. Я хотел бы подчеркнуть буквально два пункта в рекомендациях, которые мне представляются принципиально важными.

Первый пункт – это рекомендация касательно интенсификации межпарламентских связей. Мы со стороны совета здесь готовы оказывать всяческую поддержку. В частности, есть инициатива со стороны Сети европейских лидеров организовать приезд в Россию шести молодых парламентариев из нескольких европейских стран. Я думаю, что здесь, с одной стороны, парламентское звено, а с другой стороны – молодежное звено, скажем так, требует дополнительной проработки, и мы готовы этой инициативой поделиться и проинформировать об этой идее, взять на себя ответственность за ее организацию.

И второй пункт – относительно, скажем так, кулуарной работы. Буквально только что по поручению Игоря Сергеевича Иванова, президента совета, принял участие в конференции GLOBSEC в Братиславе, ее еще называют "центрально-европейским Мюнхеном". Так вот, по сравнению с Мюнхенской конференцией градус, конечно, очень сильно повысился. То есть если в Мюнхене было ощущение, что мы какого-то дна достигли (более жесткую риторику трудно было себе представить), то на GLOBSEC было намного хуже. Но в кулуарах мы организовали встречу, буквально 10 человек из нескольких центрально-европейских стран, и разговор был совсем другим. То есть люди сразу сбрасывают с себя вот эту менторскую личину и становятся нормальными людьми, с которыми можно что-то обсуждать. Поэтому этот кулуарный формат очень важен. И я хочу подчеркнуть, что эта рекомендация при всей своей кажущейся... Казалось бы, многим это понятно, но на самом деле сейчас тот момент, когда как никогда такие встречи актуальны. Спасибо большое.

К.И. КОСАЧЁВ

Спасибо большое, Иван Николаевич.

Ольга Вячеславовна Павленко, заместитель директора Историко-архивного института РГГУ.

Прошу Вас.

Подготовиться Льву Сергеевичу Воронкову.

О.В. ПАВЛЕНКО

Уважаемые коллеги! Вчера я вернулась из Берлина, где состоялась очень жесткая, очень серьезная закрытая дискуссия. Там были представители крупных американских think tanks, таких как Брукингский институт, RAND, центр Дэвиса Гарвардского университета и так далее, и европейских. И дискуссии касались как раз очень серьезных вопросов безопасности. Вообще, надо сказать, что, в отличие от государственной политической линии парламентской, именно на гуманитарном образовательном пространстве сейчас чрезвычайная интенсификация контактов, обсуждений, дискуссий. Создается такое впечатление, что наши западные партнеры, западные коллеги буквально проводят замер мнений, и они все-таки хотят понять нашу позицию. Поэтому разрешите очень кратко ознакомить вас с такими выводами, которые возникли после такого кулуарного формата, о котором говорил Иван Николаевич Тимофеев, и он действительно в этой ситуации чрезвычайно важен.

Первое, и самое важное, – это то, что мне говорили в Совете Европы (я была там в начале июня). Там запускается очень серьезный проект (в него включена Россия), который можно назвать так: формирование культуры взаимопонимания в общеевропейском пространстве. Это очень важно. В противовес той реальной тенденции неформальной войны, о которой говорил профессор Дашичев, вдруг ставится вот эта культура взаимопонимания.

И что мне говорили коллеги из Совета Европы? Они говорили: "Вы знаете, в последнее время, в этот год, очень трудно общаться с вашими официальными представителями". Я ведь могу говорить откровенно, да? У нас открытый разговор.

ИЗ ЗАЛА

Мы все тут откровенно говорим.

О.В. ПАВЛЕНКО

Почему? Потому что начинается сразу же риторика обвинения. Мы их обвиняем – они нас обвиняют. Мы ходим по замкнутому кругу. Правильно говорили Татьяна Глебовна, Марина Михайловна и другие крупные наши эксперты: мы не видим конструктивной риторики – ни с той, ни с другой стороны. Как только начинает проявляться тема конструктивного решения (о чем как раз говорил Владимир Михайлович), как только начинаешь в кулуарах говорить: "А как лучше? А давайте вместе думать", возникает другая ситуация. Сейчас даже у Спенсера Оливера (вы его знаете) есть две очень серьезные позиции, он их озвучивает везде: первая – это то, что в восточных регионах Украины и в Крыму были нарушены все основополагающие принципы Хельсинкского заключительного акта; и вторая – что референдум в Крыму был проведен в условиях оккупации, поэтому они (ОБСЕ также очень жестко в этом смысле настроена) его не будут признавать. Да, это есть.

Вопрос в другом: а как объяснять и как искать выход? Тот очень важный вопрос, который был поставлен Татьяной Глебовной: где могут быть эти траектории, для того чтобы остановить процесс скольжения к военной риторике и к военной конфронтации?

Разрешите вас ознакомить с результатами этой берлинской встречи. Три дня жесточайшей дискуссии. Там был Тимоти Колтон, возглавлявший Центр российских и евразийских исследований имени Дэвиса Гарвардского университета (это очень крупный "мозговой центр" либеральной партии), который жестко сказал: "Соединенные Штаты не признают минский процесс ни при каких обстоятельствах. Наша принципиальная позиция – мы не будем вовлекаться в минский процесс. Мы будем поддерживать Украину любой ценой, и мы не будем выстраивать встречные отношения с Россией". Это была первая позиция.

Но дальше вступают европейцы. Да, в Европе сейчас институциональный паралич. Да, Европа (они сами это признают) находится в очень глубоком кризисе. Да, институциональные реформы опередили интеллектуальные, контентные (содержательные) решения по европейской политике. Это все правильно. Но европейцы действительно хотят сейчас диалога, хотят конструктивных инициатив от российской стороны. Какими они могут быть? Татьяна Глебовна как раз их озвучивала, и Марина Михайловна говорила о новом поведении, о новом кодексе прагматичного поведения.

Разрешите обратить ваше внимание на несколько позиций, связанных с Хельсинкским заключительным актом и с функциями ОБСЕ.

Первое. Самое принципиальное, самое важное, когда мы говорим о новой культуре взаимопонимания как форме возможности разрешения риска, – это то, о чем говорили на Средиземноморском форуме ПА ОБСЕ. Это то, что предложили римские коллеги, итальянцы: они ввели новое понятие – human security ("гуманитарная безопасность"). Давайте через этот термин – "гуманитарная безопасность" – искать взаимопонимание. Это и седьмой принцип хельсинкского "декалога" (защита прав граждан). И это тот консенсус, который может быть между принципом суверенного равенства, которого сейчас в Европе уже не может быть, и принципом европейской солидарности.

Теперь еще один очень важный момент. Прекрасное предложение по Парижской хартии, но дело в том, что оно не пройдет сейчас. Я могу ошибаться, но оно было создано тогда, когда еще не была выработана общеевропейская политика. Они сейчас мыслят или стараются заставить себя мыслить в категориях европейской солидарности. Поэтому это может только обесценить, к сожалению, наши предложения. Спасибо.

К.И. КОСАЧЁВ

Спасибо, Ольга Вячеславовна.

Не спадает накал дискуссии, несмотря на долгое время работы. Это хорошо.

Лев Сергеевич Воронков, ведущий научный сотрудник Центра североευропейских и балтийских исследований Института международных исследований МГИМО.

И потом Владимир Георгиевич Барановский будет подводить итоги дискуссии.

Л.С. ВОРОНКОВ

Прежде всего, я хотел бы поблагодарить за приглашение и возможность выступить. Сразу скажу, что я не отношусь к людям, которые с оптимизмом смотрят на будущее ОБСЕ, и многие позиции, которые есть в проекте заключительного документа, мне не очень нравятся.

Долгое время совещание действительно руководствовалось общеевропейским подходом на базе консенсуса всех государств-участников. Вопрос не в том, были исключения из этого или нет, но вот был такой подход, концептуально это существовало. После "бархатных" революций в Центральной и Восточной Европе, принятия Парижской хартии об окончании холодной войны, которую, кстати, никто не ратифицировал (так, политическая декларация, хорошая декларация), распада Советского Союза западные страны объявили себя победителями в холодной войне и сочли излишним продолжать искать консенсусы по вопросам европейской безопасности с проигравшей стороной, то есть общеевропейского подхода.

Несколько фактов, которые, может быть, следует иметь в виду при этом. С моей точки зрения, достаточных оснований для разговоров об общеевропейском сотрудничестве в связи с юбилеем СБСЕ – ОБСЕ не имеется. В рамках хельсинкского процесса ему был положен конец 20 лет тому назад. Хотя от принципа консенсуса формально никто не отказывался, но в реальной ситуации он не действует. Объясню почему. Сначала были созданы постоянные органы и некие должностные лица на Совещании по безопасности и сотрудничеству в Европе. Следующим шагом было наделение этих органов и должностных

лиц дипломатическим статусом и иммунитетами, причем односторонними решениями государств, принимающих эти документы. А привилегии и иммунитеты были уравнены с содержащимися в документе Организации Объединенных Наций. Я полагаю, что всем понятно, что есть разница между основополагающим документом Организации Объединенных Наций и заключительным актом, который не является договором, не ставился на ратификацию, не регистрировался в Организации Объединенных Наций. Кстати, подписал этот заключительный акт Генеральный секретарь ЦК КПСС, который в тот момент никаких государственных позиций в Советском Союзе не занимал. Мы, наверное, все-таки являемся правопреемниками не ЦК КПСС.

Если ранее в рамках СБСЕ переговоры велись прямо между представителями государств, то в Риме в декабре 1973 года было принято решение государствам сделать официальные дипломатические представительства при СБСЕ, в общем, организации, не обладающей достаточной легитимностью. При этом, по сути, в истории не было, наверное, прецедента, когда дипломатические миссии создавались при организации, существование которой даже не было ратифицировано, не обсуждалось национальными парламентами. Любопытная ситуация.

Дальше. В Будапеште в 1994 году Россия предложила трансформировать СБСЕ в Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе. Отказ. Чем ограничились? Переименовали, но ни договора не заключили, ни устава не приняли – ничего. В результате должностные лица и органы Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе приобрели статус международной гражданской службы, которая обязана отражать точки зрения не государств, а организации. Они получили возможность говорить все что угодно, потому что ни устава, ни договора нет. В результате принцип консенсуса в реальной деятельности, в повседневной деятельности ОБСЕ исчез, хотя формально он продолжает вроде бы существовать. Но он существует для того, чтобы, если кто-то вдруг вздумает внести изменения, вам не позволить этого сделать, как это, например, было сделано, когда мы предложили заключить договор о европейской безопасности, с тем чтобы положить его в основу деятельности ОБСЕ. Не было такого решения, и ситуация, как вы знаете, такая, какая она есть. Ранее периодически собирались общие совещания государств, где использовался принцип консенсуса. Замечу, что после 1999 года эта практика была прекращена. Попытка возродить ее в Астане, в общем, как вы знаете, прорывными решениями не знаменита. Когда действующий председатель ОБСЕ, президент Швейцарии, объявил о присоединении к санкциям против России (это в организации, которая должна быть построена на консенсусе), мне кажется, это обозначило начало конца этой организации.

Еще один вопрос – ДОВСЕ, тот договор, от которого мы отказались. Ну, не хотели они его никак ратифицировать и всё, сохраняя ситуацию той, какая она есть. При этом в соответствующий потенциал НАТО вошли и потенциал Албании, и Швейцарии, и так далее, и так далее. Все это продолжалось. Делали вид, что серьезно ведем переговоры. На самом деле этот договор был изначально обречен. Чем это закончилось? Мы вышли из этого договора.

Украинский кризис. Скажите, пожалуйста, где была организация, которая заявила о том, что для нее главное – связь между демократией и безопасностью, в течение зарождения, развития и нынешнего состояния украинского кризиса? На что она влияет? Мониторит и все. А что дальше? Какие принимаются решения? Может быть, кто-то их принимает во внимание? Нет.

Накануне саммита 1994 года в Будапеште, когда обсуждалась возможность преобразования СБСЕ в международную организацию, основанную на договоре, Совет НАТО пригласил все государства – члены СБСЕ стать членами НАТО. В результате стала выстраиваться в течение уже более 20 лет новая система европейской безопасности среди демократических государств-единомышленников, системообразующим ядром которой должен стать Североатлантический договор.

Политика смены политических режимов – это интегрированная часть этого процесса. Более того, он не ограничивается европейскими рамками. НАТО сегодня претендует и на глобальные функции, в том числе на замену, кстати говоря, главной ответственности Совета Безопасности ООН по поддержанию международного мира и безопасности.

Естественно, возникает вопрос (если этот анализ (или то, о чем я заявил) хотя бы в какой-то мере верен): есть ли реальная заинтересованность стран – членов НАТО и тех структур, о которых мы говорим, в общеевропейском диалоге? Если есть, мне бы хотелось узнать, кто же в этом заинтересован, посмотреть на них. Не вижу я этих вещей. Есть готовность вести с Россией диалог только и исключительно на собственных условиях, других не приемлют.

Есть еще один форум для общеевропейского диалога по линии парламента – это Совет Европы. Эта организация присвоила себе монополию на определение соблюдения или несоблюдения прав человека в разных странах, более того, принимает решения об исключении и лишении... ну, такая "демократическая" процедура, очень серьезная.

ПАСЕ строит свою деятельность на основе Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года. Европейская социальная хартия в основополагающие документы не входит. При этом если кому-то нравятся отдельные положения – пожалуйста, вы их можете одобрить, ратифицировать и так далее. То есть социальный блок абсолютно исключен из универсальных прав человека.

Последние 15 лет международное сообщество стремится достичь Целей развития тысячелетия. У них колоссальный социальный потенциал, который направлен на возможность решения глобальных проблем. Может быть, это нашло отражение в этих так называемых универсальных человеческих ценностях, в том числе Совета Европы? Ничего подобного! Мне кажется, постановка вопроса о том, чтобы базой Совета Европы, общеевропейской базой стали не только политические требования, но и социальный блок (тот, что является, в общем, программой деятельности международного сообщества в социальном плане) стал частью этих основополагающих документов... это одна из областей, которую можно совершенно точно сделать базой для такого общеевропейского диалога.

А что касается общеевропейского сотрудничества, полагаться на то, что оно продуктивно на базе находящейся в глубокой коме ОБСЕ, – мне кажется, это нереалистично.

И еще одно замечание по поводу документа. Там говорится о сближении европейских интеграционных процессов и евразийских. Наверное, трудно сказать, что кто-то здесь может быть против этого. Но прежде чем вести этот реальный диалог, надо концептуально оформить, что мы хотим достичь. Какова концепция евразийской интеграции? У нас все полностью с этим ясно? По-моему, не очень. Мы, заявляя о том, что мы хотим вести диалог, не знаем, к чему мы хотим прийти. Замечу при этом, как профессор кафедры европейской интеграции института, что Европейский союз при переговорах с любыми экономическими партнерами никогда не отказывается от тех правил единого внутреннего рынка, которые у нас есть. Если мы собираемся строить на этой основе евразийское сотрудничество, интеграцию, тогда мы открываем возможность для освоения евразийского пространства для Европейского союза. Спасибо большое.

К.И. КОСАЧЁВ

Спасибо, Лев Сергеевич, за такой дискуссионный вклад в нашу дискуссию.

Л.С. ВОРОНКОВ

(Говорит не в микрофон.) ...дискуссию?

К.И. КОСАЧЁВ

Да, конечно, а мы для этого и собираемся, для этого и парламентские слушания. Хотелось бы во многом возразить, но наступлю на горло собственной песне.

Владимир Барановский. Надеюсь, по-прежнему Институт мировой экономики и международных отношений.

Прошу Вас, Владимир Георгиевич.

И после этого будем подводить черту.

В.Г. БАРАНОВСКИЙ

Уважаемые коллеги! Константин Иосифович предложил мне подвести итоги. Я этого делать не буду, все-таки это Ваша функция, как председателя.

Я хочу сказать, что действительно было очень полезно и нужно организовать такую дискуссию в рамках Совета Федерации. И мы с вами видели, даже на протяжении этого небольшого времени, которое потратили на эту дискуссию, насколько широки и разнообразны проблемы, которые приходится в этом контексте обсуждать.

Я сосредоточу внимание только на одной теме. Она очень маленькая, но в то же время своего рода такая антитеза последнему выступлению – Льва Сергеевича Воронкова. Он поставил под сомнение общеевропейское сотрудничество, он камня на камне не оставил от ОБСЕ, как структуры, которая совершенно неадекватна реалиям сегодняшнего дня. Я хочу в связи с этим поставить вопрос более широко: насколько уместны параллели с прошлым, когда мы занимаемся проблемами сегодняшнего дня, насколько уместно использовать опыт прошлого при решении этих проблем, при разработке политики, которая ориентирована на будущее?

И мой ответ в самом сжатом виде будет следующим: конечно, нельзя быть пленником вчерашнего дня, нельзя рассчитывать на использование старых схем, старых моделей, старых подходов, но нельзя и перечеркивать это прошлое полностью, как если бы мы начинали всё с чистого листа. И было бы неоправданным расточительством не использовать то, что наработано в рамках существующих или существовавших структур, не использовать накопленный опыт, не использовать оправдавшие себя подходы, имеющиеся наработки. Мне кажется, это в полной мере относится к проблематике общеевропейского сотрудничества, особенно в контексте 40-летней годовщины Хельсинкского заключительного акта. И что абсолютно уместно – то, что вы предложили это обсуждение именно в таком ключе: 40-летие Хельсинкского заключительного акта и проблема общеевропейского сотрудничества.

И позвольте сказать еще одну вещь, которая для меня очевидна, тут даже нет, по-моему, предмета для дискуссии. Необходимость общеевропейского сотрудничества – это, по-моему, то, что даже обсуждать не нужно, необходимость такого сотрудничества как механизма многостороннего взаимодействия, который нужен.

Лев Сергеевич предложил, чтобы мы показали тех, кому нужно это общеевропейское сотрудничество. Общеевропейское сотрудничество нужно нам, России, нужно с точки зрения наших национальных интересов, нужно с точки зрения решения тех проблем, которые мы видим, тех задач, которые ставим перед собой. Даже независимо от того, какая политическая погода на дворе, даже когда она плохая, даже когда барометр показывает на то, что погода портится (а сейчас как раз такая ситуация), нам это нужно. Нам это нужно, потому что сегодняшняя ситуация – не навсегда, произойдет изменение в стрелке барометра, и мы знаем, что желательно к этому начать готовиться уже сейчас и приближать это более позитивное будущее.

Кроме того, я бы сказал, что есть абсолютно поразительные вещи, которые вдруг возникают, когда мы думаем об опыте Хельсинки с точки зрения проблем сегодняшнего дня. Смотрите, у нас идут споры по поводу того, началась или не началась холодная война. Споры, по-моему, содержательные, но бесплодные, потому что есть нечто, что очевидно, – произошло резкое ухудшение отношений с тем, что мы когда-то называли Западом, нашими контрагентами, нашими партнерами (как угодно называйте). Ухудшение очевидно. И уместно вспомнить, что 40 лет назад, когда хельсинкский процесс начинался, начинался

общеευропейский процесс, это был способ преодолеть холодную войну, способ выйти на новую перспективу, уйти от конфронтационной перспективы и перейти на перспективу кооперативную. Разве не об этом мы говорим сегодня, как о том, что необходимо для нашей страны, необходимо для международной системы, необходимо для Европы? Нужно выйти из того совершенно тупикового состояния, в котором оказалась международная система в Европе, и попытаться определить новую перспективу. Это абсолютно параллельная задача, и абсолютно уместны здесь параллели с тем, что делалось 40 лет назад.

Мы здесь много говорили по поводу того, кто виноват. Здесь есть тема не очень очевидная. Понятно, что этот вопрос важен, тем более для парламентской дипломатии, нужно это представлять и широкой общественности, и в публичных дискуссиях. Эта тема нужна. И эта тема здесь прозвучала. Но позвольте сказать, что, если это будет главным содержанием того меседжа, с которым мы выходим на контакты с внешними партнерами, это будет, к сожалению, неперспективно, потому что на этой основе пройти вперед трудно. Идти вперед с головой, повернутой назад, невозможно. Нужно думать о том, как выйти на новые какие-то рубежи. Опять же параллель с хельсинкским процессом. Вот если бы тогда (в конце 60-х – начале 70-х годов все это начинается) мы начали обсуждать с того, кто начал холодную войну, в чем причины холодной войны, почему не удалось сотрудничество после Второй мировой войны, что произошло в Чехословакии в 1948 году и так далее, ничего бы не было. Не было бы преодоления этой конфронтационной ментальности. Я хочу сказать, что этот опыт, мне кажется, важно иметь в виду и сегодня.

Следующий пункт – 40-летний опыт. Хельсинки 40 лет назад имел целый ряд важных измерений. Одно из этих измерений – это задача стабилизировать международную политическую систему, стабилизировать международный политический статус-кво. Разве это не та задача, которая стоит сегодня перед нашей страной? Что произошло, то произошло – Крым... Что обсуждать? Можно обсуждать, но, в общем, понятно, что здесь сегодня добиться согласия или общего подхода с нашими контрагентами на Западе было бы, мягко говоря, очень трудно. Но нам нужно с точки зрения наших внешнеполитических интересов этот новый статус-кво зафиксировать, добиться признания этого нового статус-кво. Разве не то же самое было, когда начинался хельсинкский процесс? Наша задача была – добиться признания статус-кво, который возник после Второй мировой войны. Разве не тем же самым мы озабочены сегодня, в посткрымской ситуации?

Дальше. Опыт 40-летней давности показал, что это возможно. Я адресую этот вывод, это осмысление опыта Хельсинки тем из моих коллег, друзей, которые размышляют в рамках либеральной парадигмы и которые иногда склонны драматизировать эту ситуацию: произошли ужасные вещи, все рухнуло, ничего не получилось из того, что создавали после окончания холодной войны... Мой ответ: нет, возможно! И опыт Хельсинки говорит, что можно выходить из такой ситуации.

Дальше. Как выходить из такой ситуации? Тоже Хельсинки свидетельствуют: путем формирования некоторого баланса взаимных уступок. Взаимных! Это очень важная вещь. Если мы будем ожидать, что мы будем разяснять свою позицию и ее в конечном счете примут наши контрагенты, то это немножко бесплодное ожидание. Мы знаем по опыту Хельсинки, что нужно искать какой-то баланс, баланс взаимных интересов, а значит – баланс взаимных уступок. Какие уступки для кого приемлемы – это вопрос конкретного подхода, конкретных переговоров, конкретного обсуждения. Но без поиска такого баланса добиться ничего нельзя. Это тоже надо иметь в виду. Это, казалось бы, тривиальность, казалось бы, очевидно, но это опыт Хельсинки, который абсолютно применим к сегодняшнему дню.

Что конкретно означал Хельсинки? Если упрощать (я подчеркиваю, это упрощение), это была такая простая вещь: основа хельсинкской модели – это такой простой размен: территориальный и политический статус-кво – с одной стороны и права человека – с другой стороны, то есть "первая корзина" versus "третья корзина". Опять же, повторяю, это упрощение, примитивное упрощение, но тем не менее на этом было построено "здание" Хельсинки, и дальше уже происходили какие-то другие события. Эту модель критиковали, с

одной стороны критиковали и с другой стороны критиковали, но она сработала. Она сработала, и можно посмотреть на это в сегодняшних условиях. Нельзя ли подумать о том, чтобы как-то использовать этот опыт – вот такой большой размен? Не всегда явно формулируемый, не всегда высказываемый как позиция на политических переговорах, но, по сути дела, это большой размен, который позволил двигаться дальше. Конечно, это воспроизвести просто так, механически нельзя, надо скорректировать, нужно учитывать какие-то другие вещи, которые сейчас важны и актуальны, но это все-таки выстраивание некоторого баланса интересов вокруг этой тематики.

И последний сюжет, последнее, о чем я скажу. За 40 лет по каждой из составляющих этой хельсинкской модели было наработано огромное количество вещей: и инструментально – в смысле того, как заниматься подходом к каким-то важным проблемам, и содержательно – по существу этих проблем. Мы обычно концентрируем внимание на том, что не сработало. Это все не сработало, и поэтому произошел 2008 год, и поэтому произошло и дальнейшее развитие событий. Вот эта вся система не сработала. Фокус на этом. Но мне кажется, что надо было бы на другом сфокусировать внимание – на том, что есть, на том, что было. А то, что было сделано – это, в общем, наш asset, это то, что наработано, накоплено и не должно остаться втуне.

Вот смотрите, такая простая вещь (простая... на самом деле очень сложная) – соотношение конфликтующих между собой принципов организации международной жизни, например, территориальная целостность государства и право на самоопределение. Это очевидно, насколько коллизийными являются два этих подхода и насколько трудно на практике найти какое-то взаимоприемлемое решение, которое как бы выстраивало в одной плоскости эти два противоположных подхода. В Хельсинки, в хельсинкском процессе в рамках дискуссии, в рамках различных форумов, которые были организованы по линии Хельсинки, это делалось, были эти обсуждения, в которых участвовали юристы, специалисты по международным делам. И есть наработанные вещи, которые не оказались востребованными, политическая конъюнктура оказалась иной. Но есть эти подходы, которые, в общем, было бы очень полезно актуализировать. И таких вещей, к сожалению, очень много, которыми нам придется заниматься, потому что есть такие конфликтующие темы, с которыми очень трудно разбираться.

Иван Дмитриевич Солтановский говорил о том, что есть такие сюжеты, содержательные сюжеты, по которым у нас очень хорошо получаются разговоры с нашими внешними партнерами. Мне очень жаль, что по некоторым из этих сюжетов нет тех наработок, которые были бы полезны в рамках Хельсинки. Вы упомянули, например, средства массовой информации. Мы знаем, что это очень непростая тема, особенно учитывая те претензии, которые могут высказать в наш адрес по поводу роли пропаганды. Вы сказали о праве детей. Казалось бы, совершенно очевидная тема. Но у нас есть "закон Димы Яковлева", который тоже может быть использован и используется для того, чтобы очень нелицеприятные вещи в наш адрес говорить. Жаль, что этих наработок в рамках хельсинкского процесса не было. Но есть другие, и их нужно использовать, их нужно обязательно активизировать. По-моему, в этом смысле есть очень много полезных вещей, которые будут актуальны и сегодня. Спасибо.

К.И. КОСАЧЁВ

Большое спасибо и Вам, Владимир Георгиевич, и всем участникам дискуссии. Вы знаете, мне кажется, что дискуссия получилась. Мы без малого три часа работаем, и можно было бы продолжить. У всех есть другие обязательства, поэтому продолжать не будем.

А говорить на самом деле есть о чем. Это в высшей степени серьезная ситуация – то, что происходит сейчас в Европе, то, что происходит сейчас вокруг России. И чем больше мы анализируем происходящее, тем легче нам будет определять оптимальную линию поведения.

Когда мы готовили эти слушания, конечно же, мы не брались за амбициозные задачи на уровне – как нам обустроить мир, как нам обустроить Европу или даже как нам

обустроить Россию. Мы держались более прагматичной постановки вопроса: есть ли в этой сложной ситуации своя роль у парламентской дипломатии? Если есть, то в чем она должна заключаться? И, на мой взгляд, при том, что прозвучали разные точки зрения (я сейчас посчитал – выступаю шестнадцатым на этих слушаниях), мне представляется, никто не оспаривает тезис о том, что у парламентской дипломатии такая роль, очевидно, есть. Более того, в нынешних сложных условиях она может быть даже более востребованной, чем в условиях... Я не буду называть нынешние условия условиями военного времени, но понятно, что в других условиях она могла бы быть меньше, а сейчас она, очевидно, больше.

И мы работаем в тех обстоятельствах, в которые мы поставлены. У нас сохраняются ресурсы двусторонних контактов, они практически ни на одном направлении не прерваны. Мы не отказываемся от попыток эти форматы продвигать дальше, когда мы нарываемся на какие-то отказы. Вот я упоминал сегодня о позиции Верховной Рады Украины по парламентскому измерению "нормандской четверки". Но даже если она сейчас такова, это не значит, что мы должны наши усилия оставлять и исходить из того, что ничего уже не получится. Наоборот, надо продолжать эту работу, и мы будем это обязательно делать. Я надеюсь, что и этот формат тоже получится. И я не исключаю того, что мы все-таки рано или поздно (было бы странно предполагать иное) сможем восстановить двусторонние дискуссии с нашими украинскими коллегами, потому что без этого не удастся в полном объеме восстановить традиционно дружеские отношения между нашими странами и преодолеть нынешний кризис в этих отношениях.

Так вот, готовя проект рекомендаций по итогам наших парламентских слушаний, мы, конечно, хотели ответить на вопрос о том, как нам сделать парламентскую дипломатию более эффективной и более востребованной с точки зрения реализации национальных интересов России. На наш взгляд, определенные ответы нам удалось найти, они не отрицаются, насколько я понимаю, подавляющим большинством выступавших. Вот Лев Сергеевич был более критичным, но, на мой взгляд, и он не будет принципиально возражать, если мы эти рекомендации примем за основу, понятно, с учетом всех тех дополнительных конструктивных предложений, которые прозвучали и которые мы обязательно будем включать в окончательную версию этих рекомендаций. Ну а чтобы не излагать их подробно, я бы хотел просто обозначить три уровня нашего понимания того, как двигаться дальше именно в плане реализации тех полномочий, которыми наделены мы, парламентарии, в этой сфере.

Разумеется, нам необходимо более четко и строго выстраивать нашу собственную внутреннюю координацию. Надо сказать, что она не всегда идеальна даже в рамках одной палаты (той или другой): и комитеты не всегда координируют работу между собой, и делегации в наших ассамблеях не всегда сочетают свои усилия, иногда по линии одной палаты идут одни проекты, по линии другой палаты – другие. И все это не усиливает, а ослабляет нашу работу, хотя здесь нет никаких преград для того, чтобы эту координацию сделать стопроцентной.

Второй уровень – это, разумеется, взаимодействие обеих палат Федерального Собрания с другими ветвями власти в России, с федеральными органами исполнительной власти. Здесь мы прежде всего рассчитываем на Министерство иностранных дел, разумеется, на Министерство экономического развития, на другие профильные министерства и ведомства. Без вас мы просто не сможем заниматься той работой, которой мы призваны заниматься, а она требует высокой степени профессионализма, знания и планов наших партнеров, и их манеры поведения в тех или иных ситуациях. И Андрей Аркадьевич сегодня говорил (я могу подтвердить), что часто мы просто запаздываем в наших совместных действиях. Я здесь не склонен кого-то винить, нам просто нужно научиться понимать соответствующие процедурные хитрости и выстраивать нашу тактику и стратегию заблаговременно, с тем чтобы хотя бы на процедурном уровне не попадать в эти ловушки бесконечных отказов и "заматываний" соответствующих российских инициатив. Это очень важный ресурс.

Ну и, наконец, третий ресурс, мне тоже он кажется совершенно очевидным, – это уже координация наших действий с зарубежными партнерами, прежде всего с нашими союзниками. Надо сказать, что эта координация оставляет желать лучшего. Я буду рад ошибиться, но не уверен, что даже в рамках предстоящей сессии Парламентской ассамблеи ОБСЕ в Хельсинки мы имеем уже четкие подтверждения от наших партнеров по Содружеству Независимых Государств, даже по Евразийскому экономическому союзу, хотя там нет речи о политической координации, мы все это прекрасно понимаем, но мы говорим об одних и тех же странах, я не уверен, что эта координация стопроцентно сложилась. Это тоже наш ресурс, потому что мы видим, насколько скоординированы, насколько бьют в одну точку, в одну цель все наши оппоненты на этих площадках. У них позиция всегда отлажена, что называется, до конца и по содержанию, и даже на уровне речевок, которые произносят те или иные парламентарии: иногда складывается впечатление, что они написаны одним и тем же пером.

На мой взгляд, те рекомендации, которые мы смогли сейчас сформулировать, носят достаточно конкретный характер, они нам позволят эту работу выстраивать на более системной основе, чем это происходило до сих пор.

Поэтому, уважаемые коллеги, у меня есть большая просьба поддержать тот проект, который мы подготовили, позволить нам принять его за основу и уже пожелать нам успешной, результативной работы и в Парламентской ассамблее ОБСЕ, и на всех других парламентских площадках, на которых, я уверен, России, Федеральному Собранию Российской Федерации обязательно нужно восстанавливать свою активность, но, что называется, не в автоматическом режиме, а только на условиях обеспечения наших полноценных прав, для того чтобы полноценно в этих организациях работать. И когда наши партнеры согласятся с этим, на мой взгляд, очевидным постулатом, я уверен, что за Россией дело не станет, и мы будем готовы к восстановлению межпарламентских связей на всех возможных уровнях и во всех возможных форматах.

Спасибо, коллеги, за совместную работу.
